

ДЖОРДАН
ИФУЭКО

18+

ИСКУПИТЕЛЬНИЦА

УЗРИ
НАСТОЯЩЕЕ

Джордан Ифуэко
Искупительница
Серия «Young Adult. Экранизация»
Серия «Лучезарная», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68978994
Искупительница / Джордан Ифуэко ; [перевод с английского А. Сергеевой].: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-184718-0

Аннотация

Тарисай суждено править Аритсаром вместе со своим братом Дайо. Но сначала юная императрица-Искупительница должна положить конец вражде между империей и Подземным миром.

Для этого Тарисай собирает свой собственный совет из двенадцати правителей королевств со всей империи. Ей придется заслужить их уважение, несмотря ни на что.

Но пока Тарисай пытается добиться их любви, скрывая свое ужасающее прошлое, по всей империи начинают вспыхивать восстания бедняков во главе с народным мстителем – Крокодилем.

Перед императрицей-Искупительницей встает непростая задача: сохранить единство государства и не потерять близких ей людей.

Сможет ли она выполнить условия перемирия и вернуться из Подземного мира, избежав встречи со смертью?

Потрясающий проработанный мир, уникальные персонажи, оригинальный сюжет.

Планируется экранизация от Netflix.

Содержание

Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	92
Часть II	111
Глава 8	111
Глава 9	120
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Джордан Ифуэко

Искупительница

*Посвящается юным революционерам,
выбравшим самую одинокую работу в мире*

Jordan Ifueko
REDEMPTOR

© 2021 by Jordan Ifueko

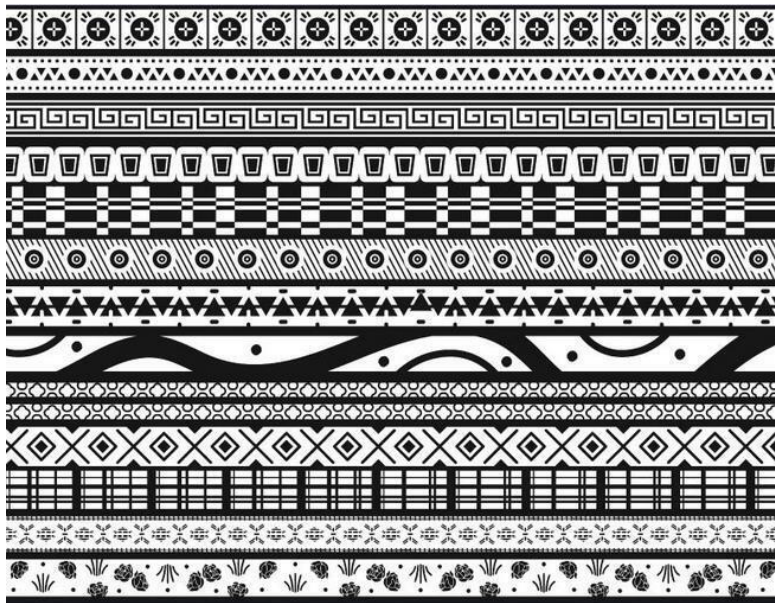
Перевод с английского *Александры Сергеевой*

© Сергеева А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть I

Глава 1

Меня зовут Тарисай Кунлео, и я больше никогда не потеряю тех, кого люблю.

Я шла по коридорам дворца, отбивая сандалиями ритм: *ни-ко-гда, ни-ко-гда*. Я собиралась повторять эту мантру, по-

ка подошвы не сотрутся до дыр. Гриоты, священные сказители нашей империи, играли на барабанах, рассказывая свои истории, чтобы в эти истории было легче поверить.

Так и я собиралась петь эту песню, пока сама в нее не поверю.

«*Тар?* – в затылке загудело: Кира мысленно говорила со мной через Луч. – *Ты в порядке?»*»

Кира, моя названная сестра, и Мбали, бывшая Верховная Жрица Аритсара, стояли передо мной в широком коридоре. Я догнала их, наигранно улыбаясь. Потом вспомнила, что они не видят моего лица.

Наши лица закрывали церемониальные вуали из ярких бусин и ракушек, доходящие до груди. Головы украшали высокие кожаные головные уборы в форме красных языков пламени. Наши одеяния были данью уважения Полководцу Пламени, создателю смерти: мы изображали *биринсинку* – мрачных вестниц смерти, исполнявших священные ритуалы для приговоренных к казни.

«*Все отлично*», – ответила я Кире также через Луч, скрипнув зубами. Затем я продолжила уже вслух ради Мбали, заставив свой голос звучать непринужденно:

– Я просто... ну, знаешь. Немного волнуюсь по поводу Таддаса.

Слуги и придворные по всей Ан-Илайобе обходили нас стороной. Ходили слухи, что биринсинку приносят неудачу: когда мы проходили мимо, люди осеняли себя священным

знаком Пеликана, чтобы защититься от зла. Никто и не подозревал, что за сверкающими вуалями прятались я, Кира и Мбали, планировавшие освободить из тюрьмы самого ненавистного в Аритсаре человека.

Ровно две недели назад Дайо назвал меня императрицей Аритсара.

До этого момента весь мир считал, что на каждое поколение может быть только один Лучезарный – и обязательно мужчина. Луч – врожденный дар, передающийся от первого императора Аритсара, Энобы Совершенного. Сила Луча практически дарует правителям бессмертие и позволяет сформировать Совет – соединять разумы двенадцати человек из каждого королевства на огромном континенте Аритсара.

Но Эноба солгал о своем даре. Он с самого начала не должен был править один, потому что на каждое поколение даются два Луча: один для мужчины, другой – для женщины. Поэтому теперь, нарушив пятисотлетнюю традицию, Луч был и в моей крови. Один тот факт, что я девушка, уже гарантировал мне достаточно врагов, но, как будто этого было мало... одной импульсивной клятвой я подвергла всю империю серьезной опасности.

Столетиями демоны, которых мы зовем абику, наводняли наш континент, вызывая засуху и болезни, утаскивая души людей в Подземный мир. Эноба заключил с ними перемирие, пообещав абику посылать детей в пахнувший серой Разлом

Оруку – три сотни живых Искупителей в год. Я разорвала это перемирие, предложив вместо детей себя в качестве последней Искупительницы. Абику приняли мое предложение, но с одним условием: прежде чем я войду в Подземный мир, я должна помазать правителей всех двенадцати аритских королевств и собрать собственный Совет.

Они дали мне два года. Если за это время я не сумею собрать Совет и войти в Разлом Оруку... то абику обрушат свой гнев на континент. Все подвергнутся опасности – даже жрецы в их уютных храмах или аристократы в их позолоченных крепостях.

Представители знати в ярости требовали, чтобы я проходила одно испытание за другим. В конце концов, если бы мой Луч оказался фальшивкой, то обещание, данное мной абику, можно было бы отменить, чтобы вернуть предыдущие условия перемирия. Но на глазах у сотен изумленных придворных я ходила по горящим углям, выпивала кубок за кубком пеликанье масло и погружала лицо в сосуды со святой водой – согласно легенде, все эти задания смертельны для любого, кроме Лучезарных.

Однако самое главное доказательство светилось яркими узорами на моих руках: живая карта Подземного мира, отмечающая меня в качестве Искупительницы. Абику бы не приняли мои условия и не отказались бы от бесконечных жертвоприношений, если бы я не являлась Лучезарной. Чтобы заполучить мою душу, абику дали обещание, а сделку, заклю-

ченную бессмертными и скрепленную кровью, нельзя нарушить.

Дайо умолял меня не провоцировать звать еще больше.

– Хотя бы пока что, – просил он. – Я хочу, чтобы они полюбили тебя, Тар. Чтобы увидели тебя такой, какой вижу я.

Мне не хотелось, чтобы он беспокоился. Так что я пообещала пока не лезть на рожон. И я собиралась выполнить это обещание. Честное слово.

Сразу после того, как вызволю из тюрьмы человека, совершившего государственную измену.

Через незастекленные окна Ан-Илайобы падали лучи утреннего солнца, отбрасывая блики на радужные плиты пола. Со двора доносилась песня: дети придворных с ужасающим восторгом наблюдали за тем, как воины Имперской Гвардии устанавливают эшафот.

*Глаза у тебя будут ли
При встрече с Эгунгуном?
Скажи, и будут уши ли
При встрече с Эгунгуном?
Как с пальмы падает кокос,
Так с шеи – голова.
И катится, и катится
Так по земле она.*

«Глупые дети», – успокаивающе произнесла Кира через Луч, чувствуя мою ярость.

Я сгорбила плечи. Жители Аритсара верили, что после смерти все души присоединяются к Шествию Эгунгуна – первого человека, рожденного от Королевы Земли и Сказителя Ама. Эгунгун бродил по Подземному миру со своим барабаном, ведя души к Раю в Ядре. Эти дети снаружи смеялись над Таддасом, которого через несколько часов ждала смертная казнь.

Бывший Верховный Судья Аритсара совершил невообразимое – даже две недели спустя многие до сих пор не верили, что такое возможно. Впервые за пятьсот лет Помазанник убил своего Лучезарного.

Но Таддас был всего лишь марионеткой в руках моей матери. Он убил Олугбаде только для того, чтобы спасти жизнь Мбали. Это я рассказала Леди об отношениях Таддаса и Мбали, чем невольно вручила ей рычаг давления, а значит... все это – моя вина. Кроме того, Таддас был *моим*. Как мои названные братья и сестры, как Верховная Жрица Мбали, как алагбато Мелу. Даже у Ву Ина и Кэтлин, Помазанников моей матери, имелось место в моей истории.

Всю свою жизнь я мечтала о семье. Теперь, когда мне наконец удалось ее обрести, пусть даже не самую здоровую... никто не сможет отобрать ее у меня. Даже смерть.

Я заставила себя перестать хмуриться. Если все пройдет по плану... Таддас не отправится танцевать с Эгунгуном еще долгое время. «Пусть смеются, – сказала я себе. – Все получится, вот увидишь».

Но непрощенная мысль все же пошатнула мою решимость:
«Разве твоя мать не поступила бы так же?»

Я сжала зубы. Слишком долго в Аритсаре считалось, что девочки могут быть только или добродетельными слугами империи, или коварными злодейками, как Леди. Настало время заставить эти голоса замолкнуть.

На шее, скрытая под одеянием, у меня висела маска в виде головы львицы. Я дотронулась до нее сквозь ткань, и кончики пальцев закололо: при помощи своего Дара я вызвала воспоминания об Айеторо, единственной императрице за всю историю Аритсара, помимо меня. Она жила слишком давно, чтобы я могла проникнуть в ее память. Но остатки ее величественной уверенности наполняли легкостью мои шаги. Я абсолютно точно спасу Таддаса. В конце концов, кто способен остановить благословленную богом Лучезарную? Это все равно что пытаться остановить солнце, катящееся по небосводу.

«Ты – Тарисай Кунлео. И ты больше никогда не потеряешь тех, кого любишь».

Таддас ждал на Небесах – в открытой всем ветрам тюрьме на верху самой высокой башни Ан-Илайобы. Мы с Кирой и Мбали долго шли по дворцу. Коридоры были еще пусты, за исключением нескольких сонных придворных. Похоронные рясы скрывали все необходимые вещи, которые мы взяли для побега Таддаса. Маскировку завершали инструменты биринсинку – небольшие флаконы с ритуальными травами и

святой водой позвякивали у нас на поясе при ходьбе.

– Мы справимся, – пробормотала я, издав нервный смешок.

– Он не примет помощь, – предупредила Мбали, когда мы прибыли к крутой лестнице, ведущей в Небеса.

Я заставила себя отпустить сомнения и улыбнулась ей:

– Конечно, примет.

Я старалась не думать о том, что только вчера слуга украдкой вручил мне записку, слова которой были выжжены на телячьей коже – так работал Дар Таддаса.

«До меня дошли слухи о готовящемся побеге. Если эти слухи правдивы, то ты поступаешь глупо.

Ради Ама, я ведь убил императора!

Никто меня не заставлял. Я был в своем уме. Какую бы привязанность ко мне ты ни испытывала, я всего лишь пожиную то, что сам же посеял. Твое положение сейчас и без того достаточно шаткое. Я не утяну тебя на дно за собой: не давай жителям Аритсара лишний повод усомниться в твоём праве на трон.

Однажды я сказал тебе: справедливости нет, есть только порядок. Но я ошибался. Иногда справедливость и порядок – одно и то же.

Оставь меня, ученица. Я присоединюсь к Шествию Эгунгуна».

Таддас не подписал письмо. Его перстень-печатку отобра-

ли при аресте – кроме того, он знал, что в подписи нет нужды. При каждом прикосновении к записке я чувствовала своим Даром руки бывшего наставника, его боль и решимость. Вероятно, он намеренно усилил свои чувства, когда писал это, зная, что они передадутся мне от бумаги.

– Вы сможете убедить его бежать, – сказала я Мбали. – Знаю, он беспокоится о моей репутации, но ведь нас не поймают. Нам нужно только...

– Он не пойдет с нами, – повторила Мбали. – Дело не в тебе, Тарисай. Он только притворяется, что это так.

Мы устали себе под ноги. Кира сжала мою руку: в последний раз, когда мы стояли на этой лестничной площадке, одиннадцать стрел целились в сердце моей матери. Леди пережила эту произвольную казнь, но ее случайно отравил Ву Ин, ее собственный советник. Я была уверена, что Мбали под вуалью тоже выглядит испуганной.

– Таддас должен был защищать Олугбаде любой ценой, – прошептала Мбали. – В этом весь смысл помазанничества. Именно поэтому я готова была позволить Леди уронить меня с этой самой башни. Но Таддас... – она вздохнула. – Он не смог меня отпустить. Он нарушил самую священную из принесенных им клятв и теперь считает, что вселенная должна покарать его за это.

По рукам у меня прошелся холодок.

– Он *хочет* умереть?

Мбали кивнула. Бусины на нитях ее вуали звякнули.

– Это безумие, – пробормотала я.

– Нет, – ответила Мбали бесстрастно. – Просто таков уж Таддас.

Кира скрестила руки на груди.

– Кое-что Верховный Судья любит даже больше, чем порядок, Верховная Жрица. Или, вернее, кое-кого. Я видела это.

– Тебе не стоит называть меня так, – пожурила ее Мбали тихо. – Ты унаследовала этот титул, *Верховная Жрица Кира*, в момент смерти Олугбаде. Точно так же и Таддас больше не Верховный Судья. – Она обратила взгляд своих зеркально-черных глаз на меня. – Чем скорее вы обе смиритесь со своими новыми ролями, тем лучше.

Кира вспыхнула.

– Ну, а я все равно считаю, что вы могли бы убедить его, Вер... Ваше Святейшество. Когда вы входите в комнату, он меняется до неузнаваемости. Вы – его Ядро. – Я подозревала, что этот упрямый тон она унаследовала от матери. – И вам это известно.

Затем она протянула нам затычки из воска. Мбали, казалось, все еще сомневалась, но, вздохнув, она пожала плечами и заткнула уши. Я сделала то же самое.

Кира начала петь. Звук был приглушенным, но я узнала ту самую колыбельную, которую Кира пела при нашей первой встрече, пока мы ждали своей очереди перед испытаниями в Детском Дворце. Я зажала уши поверх затычек руками, но

звонкий голос Киры все равно просачивался в тело, напоминая ему, как оно устало. Как хорошо было бы отдохнуть. Как хорошо было бы задремать прямо здесь, на холодном полу...

Я встряхнула головой и начала напевать встречную мелодию, чтобы прочистить мысли. А вот стражникам на лестнице повезло меньше. Когда их тени легли на ступеньки, четверо воинов устало ссутулившись, зевали и щурились, глядя на нас. Трое сумели пройти еще несколько ступеней, а затем осели на пол, уснув. Последняя стражница, похоже, успела понять, что происходит, но прежде чем она сумела позвать на помощь, я взбежала по лестнице и украла из ее воспоминаний последние несколько минут. Она безо всякого выражения смотрела на мое закрытое вуалью лицо. Я вдруг ощутила себя виноватой.

Скрипнув зубами, я снова надавила на ее виски, стирая из памяти все утро и предыдущий день. Годы попыток избавиться от кошмаров научили меня, что человеческий разум – опасно настойчив. При наличии достаточного контекста люди могли воссоздать украденные воспоминания, дорисовывая недостающие кусочки самостоятельно. Если Таддасу удастся сбежать, я не могла позволить стражникам вспомнить, кто ему помог.

Наконец стражница поддалась песне Киры и обмякла. Я аккуратно положила ее на лестничную площадку, затем стерла память у других трех стражников, не желая рисковать.

Как много дней из памяти нужно украсть, задумалась я

отстраненно, чтобы стереть чью-то личность целиком? Что, если я сотру какой-нибудь критически важный момент или некое прозрение – не будет ли это похоже на убийство?

Я тяжело сглотнула, стараясь об этом не думать. Эти несколько украденных воспоминаний стоили тысячи потенциальных воспоминаний Таддаса, которыми он обзаведется, если выживет. Значит, все в порядке, верно? Пожертвовать несколькими ради многих... Я вздрогнула, ненавидя проклятую арифметику императриц.

На шее у одного из стражников обнаружилась связка ключей. Я сняла их через голову и поднялась по лестнице. Там, за железной решеткой, ведущей в Небеса, стоял Таддас, крепко зажимая руками уши.

Я просияла от облегчения. Если бы Таддас не сумел вовремя распознать Дар Киры, нам пришлось бы тащить с башни его спящее тело.

– Ваше Святейшество, – сказала я, раздвинув вуаль биринсинку, – это я. Мы пришли спасти вас.

Моя улыбка увяла, встретившись с пустым взглядом Таддаса. От ведер возле его ног едко пахло аммиаком. Тонкая туника, натянутая на голову, как капюшон, служила ему единственной защитой от солнца и ветра. Его бледная кожа была покрыта ожогами. Волосы и борода были сбриты – скорее милосердие, чем унижение, учитывая тюремных вшей. Я задумалась о том, кто пронес ему тайком бритву и почему – от этой мысли у меня побежали мурашки, – он не восполь-

зовался ею, чтобы покончить со своими страданиями.

Он открыл уши.

– Я же велел тебе, – прокрипел бывший Верховный Судья, – не приходить.

– А я никогда не была особо послушной.

Я стала возиться с ключами, лихорадочно перебирая украденные воспоминания стражника. Наконец всплыл образ правильного ключа. Я поднесла его к замку... и вскрикнула, уронив связку, чтобы подуть на палец.

– Вы обожгли меня, – обвинила я Таддаса, неверяще на него уставившись. – Вы использовали свой Дар на железе.

Он ничего не ответил. Его зеленые глаза были тусклыми и безжизненными.

– Вы могли расплавить замок целиком. – До меня вдруг дошло. – Все это время вы могли освободиться самостоятельно. Вы страдали напрасно!

– Я расплачиваюсь, – сказал Таддас с сильным мьюйским акцентом, – за свое преступление. Я следил за исполнением законов империи всю свою жизнь не для того, чтобы сейчас от них отказываться. Через несколько часов моя голова ляжет на плаху, и да помогут мне боги, я исполню свой долг перед...

Он замолк, не договорив: взгляд его упал за мое плечо, туда, где стояли Кира и Мбали. Мбали сняла вуаль и спросила:

– А что насчет того, что ты должен мне?

Решимость на лице Таддаса пошатнулась, как соляной

столб в воде.

– Что насчет твоих братьев и сестер, которые и так достаточно пострадали? – спросила Мбали, протянув руку через решетку, чтобы погладить его обожженное солнцем лицо.

На мгновение я почувствовала, как они пытаются говорить без слов – глаза их наполнились безмолвной тоской. Но энергия не потрескивала в воздухе, и искры Луча не вспыхнули в пространстве между ними.

«Бедолаги, – сказала Кира через Луч. – У них больше нет ментальной связи. Видимо, их Луч исчез, когда умер предыдущий Лучезарный. Я понимаю, почему так, но... это несправедливо».

Это уж точно. Слишком быстро прошлые Помазанники лишались своей силы. После смерти императора Олугбаде аритский закон предписывал навсегда изгнать его советников из Ан-Илайобы, чтобы передача власти нам – новым Помазанникам – прошла как можно более гладко. Сейчас советники Олугбаде жили в небольшом храме прямо за воротами столицы Олуона. С помощью серии взяток и маскировки нам с Кирой удалось провести Мбали обратно во дворец, зная, что она – наша единственная надежда убедить Таддаса бежать.

«Таддас и Мбали все еще могут быть вместе, – возразила я Кире, пытаясь поверить в это сама. – Им не нужен Луч, чтобы выжить».

Но, говоря по правде, я не могла представить жизнь без

Луча. Я подумала о наших ночах с Санджитом после возвращения в Ан-Илайобу: мы лежали, тесно переплетаясь конечностями, и мысленно обменивались всякой милой чепухой через Луч, пока один из нас не засыпал. Я буду любить его и без Луча, конечно. Но стоило мне представить, что наша ментальная связь исчезнет, а между сознаниями навсегда возникнет непроницаемая стена... Я поежилась.

Таддас плакал, уткнувшись Мбали в ладонь.

– Я должен остаться, – прошептал он. – Ты знаешь, зачем мы жили. Чтобы построить империю. Чтобы сотворить порядок из хаоса, мир, где правила имеют значение. Не смей думать, будто я обезумел...

– Я думаю, – сказала Мбали горько, – что ты – тот самый дурак, в которого я когда-то влюбилась. Тот самый дурак, который верил, что правила и законы могут спасти человечество.

Они взялись за руки через решетку. Я вдруг с досадой осознала: на их лицах написано смирение. Они собирались *сдаться*.

Они прощались.

– Законы – это еще не все! – выпалила я, по-детски топнув ногой. – Не они держат нашу империю на плаву. Порядка недостаточно.

Таддас удивленно повернулся ко мне, подняв бровь:

– Будучи новой Верховной Судьей Аритсара, с твоей стороны весьма неразумно говорить подобные слова, – заметил

он сухо. – Ты все еще отвечаешь за судебные дела, знаешь ли, даже в качестве императрицы-Искупительницы.

Но я едва его слышала. В ушах звенел голос, звучавший тогда в святилище на горе Сагимсан. Я никому не рассказывала о том, что случилось в тот день: дух говорил со мной на склоне горы, убедив меня вскочить на спину Хьюну и помчаться навстречу тому, что, как я думала, наверняка приведет к моей смерти. Я сама едва это понимала. Даже сейчас мне стало не по себе, когда я произнесла те самые слова, благодаря которым я прошла через двадцать шесть камней переноса:

– *«Не спрашивай, как много людей ты можешь спасти. Спроси: в каком мире будут жить спасенные?»* Какой мир стоит того, чтобы выжить в нем? – Я кивнула на сцепленные руки Таддаса и Мбали. – Что ж... а вдруг это оно, Ваши Святейшества? Вдруг это стоит того?

Таддас взглянул на Мбали в лицо, жадно впитывая ее черты. Его самоубийственная решимость пошла трещинами.

– Таддас из Мью, – сказала я торжественно. – Я приказываю тебе сбежать из этой башни.

Он удивленно моргнул.

– Повинуйтесь своей императрице, Ваше Святейшество. В конце концов, – я наклонила голову, улыбнувшись, – вы же не хотите нарушить закон, правда?

Глава 2

Кажется, впервые за прошедшие недели Таддас из Мью рассмеялся. Это был отчаянный, скрипучий звук, который быстро перешел в кашель.

– Отойдите, – произнес он наконец.

Железный замок на решетке начал дымиться и плавиться, затем дверь открылась. Таддас прижал Мбали к груди, и она тут же начала покрывать его лицо поцелуями.

– Прости меня, – пробормотал он куда-то ей в шею. – Я был дураком. Мне так жаль, я...

Мы с Кирой неловко уставились себе под ноги. Через несколько мгновений бывшие Помазанники, похоже, вспомнили, что они здесь не одни. Таддас взглянул на меня поверх плеча Мбали.

– Ну, госпожа Неисправимая? Что дальше?

– Переоденьтесь в это, – сказала я, доставая форму Имперской Гвардии и пылевую маску из свертка на спине. – Потом нам придется разделиться. Группы по двое не так подозрительны.

Пока Таддас переодевался, я прислушивалась к шуму внизу башни. Мое сердце забилося чаще, когда я услышала скрип колес повозки, приглушенный «*бум*» у подножия лестницы и чьи-то поспешно удаляющиеся шаги.

– Это был наш сигнал, – сказала я. – Санджит договорил-

ся, чтобы один из его воинов оставил подставное тело. Кира, Ваше Святейшество Мбали, вы можете оттащить труп на лестничную площадку? – Они кивнули. – Хорошо. Поднимите его по лестнице, оденьте в одежду Таддаса и подожгите тело с помощью факелов, чтобы это выглядело как месть за императора. Потом уходите как можно быстрее. К тому моменту мы с Таддасом должны дойти до ворот дворца.

Кира поморщилась:

– А если вас остановят?

– Мы уходим из дворца, а не входим в него. У них нет причин всерьез нас обыскивать.

– И все же, – Кира показала на зловещие амулеты и флаконы со святой водой, висящие у меня на поясе, – пусть стражники увидят это. И метки на твоих рукавах. Плохая примета – касаться биринсинку, которая только что провела предсмертные ритуалы. По крайней мере, люди так считают. – Она напряженно улыбнулась. – Будем надеяться, что стража на воротах суеверна.

Таддас в последний раз поцеловал Мбали в ее полные губы и просиял, когда она прошептала:

– «Мир, стоящий того, чтобы выжить».

Он взглянул ей в лицо.

– Мы почти в нем, – сказал он.

Затем бывший наставник взял мою увенчанную кольцами руку, и мы побежали вниз по лестнице.

Ан-Илайоба просыпалась. В коридорах стало опасно мно-

го народа. Придворные бросали любопытные взгляды на гвардейца в маске и покрытую вуалью биринсинку, спешащих по каким-то своим делам. Мое сердце стучало как бешеное.

– Мы пройдем через спальное крыло и срежем к задним воротам, – сказала я Таддасу, опуская голову. – Там меньше свидетелей.

Мои предположения были верны: мало кто в это время обитал в спальном крыле, и нам удалось пробежать его, не привлекая внимания. Еще несколько коридоров, и мы будем снаружи. Тогда Таддас пройдет через ворота, и у меня на совести будет одним ужасом, одной смертью меньше.

– Почти дошли, – выдохнула я.

Мы завернули за угол. В центре коридора стоял ребенок... и я вдруг охнула от боли. Узоры Искупителей на руках обожгли меня, вспыхнув ярко-синим цветом.

– Приветствую, Ваши Святейшества, – произнес мальчик монотонно.

На первый взгляд я бы сказала, что ребенок – призрак. Но он был из плоти и крови, не дух, и твердо стоял на земле. На вид ему было десять или одиннадцать лет, у него были прямые волосы и бледная кожа, как у Таддаса. Меня удивил его сильный мьюйский акцент: холодное зеленое королевство Мью находилось в тысячах миль к северу от Олуона, но большинство королевств искореняли свои региональные диалекты, предпочтя им язык империи, чтобы не звучать

как деревенские провинциалы. Этот мальчик звучал так, как будто он никогда в жизни не видел имперский город. Но, что еще более удивительно... его тело покрывали отметины Искупителей. В отличие от моих, его узоры были фиолетовыми – знак Искупителя, который уже исполнил свой долг в Подземном мире.

– Т-ты ошибаешься, – заикнулась я. – Мы – не Помазанники. Я – биринсинку.

Вуаль закрывала мою голову и плечи. Нас нельзя было узнать. Ну... меня, конечно, могли выдать символы, светящиеся даже сквозь одеяние. Но маска Таддаса никуда не делась. В любом случае нам нужно было двигаться дальше. Я резко придвинулась, надеясь обойти его, но мальчик вдруг упал перед Таддасом на колени, глядя на него прозрачными глазами.

– Благословите меня, – прошептал он. – Прошу.

– Ты ведешь себя глупо, – огрызнулась я на ребенка, запаниковав, когда мальчик схватился за тунуку Таддаса. – Отпусти его!

– Прошу...

– *Ш-ш!* – зашипел Таддас, оглядев пустой коридор.

Когда никто так и не пришел на шум, Таддас попытался стряхнуть мальчика, но тот вдруг заскулил высоким гортанным голосом.

– Мне это не нравится, – прошептала я.

– Ничего не поделаешь. – Таддас пожал плечами и вздох-

нул. – Передача власти всегда остро сказывается на простых людях. Я просто дам ему то, что он хочет.

Волосы встали дыбом у меня на шее. От ребенка... пахло. Не грязным телом, но землей и тленом. Как гниль под могильным курганом, исходящая паром в сезон дождей.

Что-то было не так.

Таддас наклонился, протянув руку, чтобы дотронуться до головы мальчика.

– Властью, данной мне Лучом, я благословляю...

Я услышала нож еще раньше, чем увидела.

Скрип металла о кожу, когда мальчик достал кинжал из ботинка, и мягкий, влажный звук, с которым горло Таддаса расцвело кровавой полосой.

У меня потемнело в глазах. Кровь пропитала воротник Таддаса. Он безуспешно хватал ртом воздух.

– Беги, – сказал он мне, но ноги меня не слушались.

– Да здравствует императрица-Искупительница!

Таддас булькнул, сомкнув пальцы на запястье мальчика. Пошатнувшись, Таддас повернул нож по направлению к мальчику. Тот даже не сопротивлялся, странно спокойный, когда его пронзило собственное лезвие.

Затем Таддас упал на пол. Он умер еще до столкновения с землей.

Я отшатнулась, дрожа всем телом. Нет. Таддас не может быть мертв. Таддас – мой, а я – Тарисай Кунлео, и я больше никогда не потеряю тех, кого...

Мысль растворилась в белом шуме, когда мальчик перешагнул через тело Таддаса, вытащив нож из своей груди. Крови не было.

– Ты не человек, – прошептала я. – Что ты такое?

Он не выглядел как абику. Зрачки не сливались с радужкой, никаких острых зубов или серой кожи. Кроме того, абику не убивали людей, пока действовало Перемирие, а до моего жертвоприношения оставалось еще два года. Но если это не абику, то... кто?

Существо наклонило голову.

– Я – твой слуга.

– Ты убил Таддаса. – Перед глазами все плыло. – Почему? Во имя Ама, почему?

– Таддас из Мью убил императора Олугбаде, – ответило существо. – Императрица-Искупительница помогала преступнику, совершившему государственную измену.

– Но он не виноват, – всхлипнула я. – Матушка заставила его. Таддас не должен был умереть, я собиралась спасти его и...

– Императрица не должна участвовать в действиях, порочащих ее репутацию, – продолжил мальчик. – Для наших целей твоя репутация должна оставаться безупречной. Ты должна заполучить доверие жителей Аритсара.

– Каких еще целей?! – закричала я. – На кого ты работаешь?

Его детское личико сморщилось, как будто я задала во-

прос, ответ на который ему не говорили.

– Я твой слуга, – повторил он. – Императрица не должна...

Он шагнул вперед. Я потянулась к оружию, но рука наткнулась лишь на ритуальные инструменты на поясе. Закричав, я открыла флакон со святой водой и выплеснула содержимое на мальчика. Вода растворила бы злобного абику, превратила бы его в пепел.

Но мальчик едва вздрогнул, пустым взглядом посмотрев на свою мокрую одежду.

– Что ты такое? – потребовала я ответа, схватив его за плечо и попытавшись забрать его воспоминания.

Несколько секунд я видела только долгую, зияющую пустоту. Я моргнула – такого раньше не случалось. Даже у младенцев имелись хоть какие-то воспоминания, пусть смутные и хаотичные. Однако через мгновение мой Дар наконец обнаружил слабое эхо памяти и поднял его на поверхность.

Мальчик отшатнулся от меня, выворачиваясь из хватки. Его взгляд стал неожиданно детским. Расфокусированным... как будто он вспоминал давний сон.

– Я... – пробормотал он. – Меня зовут Фергус. Я родился в Фэй-Кроссинг. Далеко на севере, в Мью.

– На кого ты работаешь? Кто твои родители?

Мальчик медленно покачал головой.

– Мои родители... ушли. Нет. Они умерли в битве. При Гэлинаг.

– Гэлинаг? – повторила я иностранное слово, лихорадочно

вспоминая знаменитые исторические битвы. – Но это невозможно. Битва при Гэлинаг – это гражданская война в Мью, а у них не случилось ничего подобного уже много веков. С тех пор, как...

От потрясения слова застряли у меня в горле.

В Мью воцарился мир пятьсот лет назад – в эпоху правления императора Энобы. Когда Искупители еще рождались по всему континенту, не только в Сонгланде.

Мьюйский ребенок тонул у меня на глазах. Земля *поглощала* его. Я успела вцепиться в его влажную бледную кожу, но больше мой Дар ничего не нашел – только пустоту.

Что это за существо, у которого нет практически никаких воспоминаний?

– Твоя карта еще синяя. – Монотонный голос вернулся, и он отстраненно кивнул на символы на моих руках. – Она станет фиолетовой, когда ты присоединишься к нам.

Затем земля сомкнулась у него над головой. Мальчик исчез, оставив меня наедине с телом Таддаса и группой придворных, свернувших в коридор.

Глава 3

– Знаешь, ты не можешь прятаться вечно! – сказала Кира.

– Я не прячусь, – солгала я, с маниакальной бодростью танцуя по позолоченным коридорам Имперских апартаментов, балансируя с плещущейся миской молока на одном бедре и грудой свитков – на другом. – Просто у меня много дел. Ты еще не выпила свой чай из эхинацеи?

– Тар.

– Нельзя забывать про чай. Служба в храме завтра. Люди будут ждать, что ты споешь им, а ты никогда не исцелишь их всех без своего...

– Мы опаздываем, – перебила Кира тем отчаянным тоном, которым говорила с упрямыми верблюдами.

Несколькими лестничными пролетами ниже, в Имперском Зале, гудел праздник. Я притворялась, что не слышу его, ловя вместо этого разговоры своих названных братьев и сестер. Их голоса эхом отражались от стен, переливающихся разными цветами. В темном дворе далеко внизу раздавались голоса гриотов. Сквозь высокие окна коридоры нашего нового дома освещала луна.

Частное крыло дворца, где обитали обычно император и его советники, состояло из пяти этажей. Имперские апартаменты представляли собой отдельный замок с сокровищницей, баней, кухнями, гостинными и спальнями – сплошной

лабиринт из позолоченного песчаника. Крышу украшал просторный сад. Ярко-зеленые лозы ползли по балюстрадам и свисали в открытые окна центральных комнат. Лозы цвели каждый день, пробужденные к жизни Даром моей названной сестры Терезы, и наполняли крыло своим дурманящим ароматом.

Целители обычно использовали *кусо-кусо* – цветы, украшавшие стены наших апартаментов, – для борьбы с бессонницей. Но Тереза изменила эти растения так, чтобы они обостряли наши чувства. Запах усиливал Луч, позволяя моим братьям и сестрам ходить по крылу в дымке постоянного общения друг с другом, даже через несколько комнат. К несчастью, кусо-кусо также усиливал и мой Дар... и каждый стул, каждая ваза и каждый позолоченный диван гудели воспоминаниями о предыдущих Помазанниках, включая тех, которые желали мне смерти. Я днями напролет размахивала своим Даром, как метлой, вычищая мебель в крыле от лишних воспоминаний, пока у меня не начиналась мигрень.

Окна в коридорах закрывала тонкая москитная сетка, колышавшаяся на теплом ночном ветру. Она коснулась моей щеки, когда я проходила мимо.

«*Узурпаторша*, – прошептало очередное бестелесное воспоминание. – *Где она? Где она, гдеонагдеона...*»

Я поежилась, ускорив шаг. Отец Дайо часто бродил по этим коридорам, вслух думая о моей матери. Надо бы почистить эту сетку позже.

– Тар. – Кира попыталась меня догнать. – Знаю, ты все еще расстроена по поводу Таддаса. Но ты уже неделю не покидаешь апартаменты.

Мои братья и сестры знали, что случилось с Таддасом. Мы решили сохранить мальчика-мертвеца в секрете: при дворе еще не отошли от обещания, данного мной абику, так что слухи о созданиях из Подземного мира, ошивающихся в коридорах Ан-Илайобы, точно не пошли бы моей репутации на пользу.

Днем и ночью Санджит со своими лучшими воинами обыскивал территорию. Я пыталась найти подсказки в воспоминаниях у каждого потенциального свидетеля. Но поиски оказались тщетны: таинственный мьюйский мальчик, казалось, работал в одиночку.

– Мы делаем все возможное, чтобы найти убийцу Таддаса, – продолжала Кира. – Но чем дольше ты прячешься, тем хуже будут сплетни. Кроме того... что подумают все эти правители, если ты опоздаешь на свой собственный званый ужин?

– Вот я глупая, – пробормотала я, не обращая внимания на ее слова. – Конечно, ты еще не пила свой чай. В саду на крыше закончилась эхинацея, и Терезе нужны семена из Суоны. Я обещала, что пошлю кого-нибудь за ними...

Кира встала прямо передо мной, преградив путь. Несколько прядей волос выбились из-под ее молитвенного платка.

– Этот торжественный вечер, – выдохнула она, – все равно состоится, независимо от того, будешь ты там или нет. Думаешь, Дайо справится один? Думаешь, *он* сможет убедить всех этих скептически настроенных монархов стать твоими советниками?

– Ай Лин тоже там будет, – напомнила я Кире, обходя ее. – Она же новый Верховный Посол. Справляться с правителями вассальных королевств – ее работа.

– А твоя работа, – подчеркнула она, – быть императрицей Аритсара.

Козье молоко пролилось из миски у меня на бедре на пол. Застонав, я пробормотала:

– Я все вытру!

– С каких пор ты занимаешься уборкой? Великий Ам... – Кира сжала переносицу, издав истерический смешок. – У нас нет на это времени! Пожалуйста, Тар. Просто пошли кого-нибудь за слугой?

– Слугам здесь не нравится.

Этот факт, конечно, не имел никакого отношения к делу, но так все и было. Потрескивающая энергия Луча, усиленная кусо-кусо, разносила наши призрачные голоса по коридорам, заставляя слуг нервничать. В результате в крыле почти никто не работал. Но нам нравилось так даже больше: Помазанникам хватало компании друг друга. И все же наиболее амбициозные помощники то и дело крутились поблизости: придворные, мастерицы красоты, плетельщицы волос

и портные, часами ожидавшие в примыкающих к нашему крылу комнатах в надежде, что Помазанникам понадобится их помощь. Когда я входила или выходила из апартаментов, слуги уже ждали за дверью, готовые исполнить любой приказ.

Но я не покидала Имперские апартаменты уже несколько дней. Разумеется, это не осталось незамеченным и лишь подлило масла в огонь сплетен, уже разошедшихся по дворцу.

«Императрица-Искупительница – убийца».

– Портные ждут уже несколько часов. У тебя даже прическа еще не готова.

Кира с трудом поспевала за мной – ее движения сковывал парадный наряд Верховной Жрицы. На ней была нефритовая туника и платок такого же цвета, обрамленный серебряными монетами ее родного королевства, Благословенной Долины. Я, в отличие от нее, была одета только в льняную сорочку и сандалии. Облако моих волос было кое-как завернуто в черный шелковый платок для сна.

– Дайо наверняка уже одет, – продолжила Кира. – Он...

Она замолчала, не договорив, когда я свернула в одну из просторных спален.

Нам стоило догадаться, что именно мы увидим. В конце концов, еще до того, как я отодвинула штору на входе, в коридор сквозь Луч просачивалась какофония их голосов. Но я все равно ахнула, судорожно вцепившись в миску с молоком: шесть тел, дышащие в унисон, блестели из-под укра-

шенного москитной сеткой балдахина. Камерон, Тео, Майазатель, Уманса, Затулу и Эмерония лежали вместе в одной большой постели. Каждый или лежал головой на животе у кого-то другого, или гладил ладонями чужое лицо. В мерцающем свете факелов сияли самые разные оттенки кожи.

Я чуть не уронила свитки.

– Кхм! – прокашлялась я, заговорив неестественно высоким голосом. – Простите, если помешала.

Камерон рассмеялся, выскользнув из-под Тео.

– Не извиняйся, – произнес он с сильным мьюйским акцентом. – С нашей стороны было невежливо вот так опустить ментальные щиты. Наверное, мы слишком громко думали, да?

– Можешь присоединиться к нам, – вставила моя кетцальская сестра Майазатель, перевернувшись на спину, – теперь она ухмылялась мне вниз головой. Две ее шелковые косы свисали с края постели. – Ты тоже, Кира.

Я закатила глаза. Кира покраснела.

Когда мы только переехали в Имперские апартаменты, частные спальни меня совершенно потрясли. Раньше мы с братьями и сестрами спали плечом к плечу в Зале Снов в Детском Дворце или одной большой кучей на полу в Крепости Йоруа. Так мы избегали лучевой тоски – лихорадки и медленного безумия, одолевавших Помазанников, если они были разлучены больше часа. Это также уменьшало вероятность того, что мы будем уходить по ночам в поисках роман-

тических приключений: никому не хотелось будить остальных.

Но в Имперских апартаментах Ан-Илайобы имелись двенадцать отличных – и отдельных – спален. Они были выстроены по кругу, с коридором по внешнему периметру и просторной гостиной в центре. Похоже, предыдущие Помазанники укрепляли свою связь с Лучом с течением времени, благодаря чему групповой сон перестал быть необходимостью. Но из-за ранней смерти Олугбаде... нашей лучевой связи едва исполнилось пять лет. Мы были самыми юными Помазанниками в истории Аритсара.

Тереза решила эту проблему с помощью кусо-кусо, усилив нашу связь и умирняя лучевую тоску. И все же мы часто по привычке спали по несколько человек в кровати... Вот только некоторые из моих братьев и сестер наслаждались привилегиями нашей новообретенной приватности несколько больше, чем другие.

– Это не то, что вы думаете! – выпалила Эмерония, моя сестра из Бираслова, самая юная из Совета в свои четырнадцать.

Она чопорно поправила съехавший набок платок, покрывавший ее короткие темные волосы, и виновато глянула на Киру. Они обе принадлежали к Людям Крыла – самому строгому религиозному течению в Аритсаре.

– Мы просто рассказывали истории. Пытались подарить друг другу сны, как Тар делала раньше. Когда она еще не

была занята этими своими перемириями и торжествами.

– Торжествами, на которые *нас* даже не приглашали, – добавил Затулу из Джибанти, наклонив свою бритую голову.

Кира скрестила руки на груди.

– Вы ведь знаете: этот вечер особенный. Тар не могла пригласить всех. И если вы просто делились историями... почему вы все наполовину раздеты?

– Луч лучше работает при касании кожей, – объяснил мой брат из Спарти, Тео, приобнимая Камерона мускулистой рукой.

– Ты собираешься арестовать нас, Тарисай Идаджо? – бесстрастно спросил мой брат из Ниямбы, Уманса.

Он сверкнул улыбкой – белые зубы контрастировали с его темной кожей, на которой поблескивали татуировки в виде созвездий. Луч подсказал ему, где я: обратив на меня взгляд своих невидящих белых глаз, он протянул руки, чтобы я надела на него кандалы.

Я поморщилась, прижимая свитки к груди. Идаджо означало «Справедливая». Технически, следить за исполнением имперских законов было моей работой как Верховного Судьи.

– Тогда ей пришлось бы арестовать и себя, – заметила Эмерония своим обычным монотонным голосом. – Когда Тар забывает поднять на ночь ментальные щиты, в ее снах о Санджите частенько отсутствует одежда.

Щеки у меня запыхали. Закон запрещает Помазанникам

все, что хоть отдаленно напоминает романтические или сексуальные отношения – за исключением, разумеется, нашего Лучезарного, которому мы поклялись служить так, как он пожелает.

Однако за закрытыми дверями на этот закон часто закрывали глаза. Меня это даже не волновало до тех пор, пока отношения Таддаса и Мбали не привели к смерти Олугбаде. В конце концов, если бы они не влюбились... Таддаса не вышло бы шантажировать. Он бы не убил императора, не попал бы в тюрьму, его горло не перерезал бы мальчик в...

Я заставила себя не думать об этом.

– Никого я не собираюсь арестовывать, – фыркнула я. – Это всего лишь игра с рассказыванием историй. Никто из вас не нарушил закон.

– Пока что, – кашлянул Тео.

– Просто будьте осторожнее в следующий раз, – сказала я строже, чем намеревалась. – Все вы.

Эмерония сморщила свое эльфийское личико, напоминая одновременно ребенка и ворчливую старушку.

– Тар, ты нехорошо выглядишь.

– Не будь параноиком, – отмахнулась я беспечно. – Я... я просто...

Просто все, кого я люблю, умирали как мухи. Таддас истекал кровью в коридоре. Леди отравили. Дайо лежал под Колчаном Эннтавы, и мой нож торчал у него в боку.

Я до ужаса боялась всего, кроме крепких, благоухающих

стен Имперских апартаментов, где я могла листать воспоминания камней и плит, чтобы убедиться, что никакой прозрачный наемный убийца не прячется за ними в ожидании своего часа.

– У меня всегда найдется время, чтобы раздавать вам сны, – сказала я бодро, не отвечая на вопрос. – Я могу придумать любые воспоминания, какие хотите – кроме слишком уж неприличных.

Я уронила свитки – источники, которые я принесла для чертежей оружия Майазатель. Затем поставила на пол миску с молоком – блюдо для новых питомцев Камерона. С лежанки в углу ко мне тут же направились два детеныша черной пантеры, которые потерлись об мои ноги и стали лакать молоко.

– Не поощряй их! – простонал Тео. – С тех пор как Камерон стал Верховным Животноводом, дворец превратился в зоопарк. Эти монстры погрызли мою лучшую арфу!

Бирюзовые глаза Камерона зловеще сверкнули.

– Может, если бы ты писал больше серенад обо мне, а не флиртовал со служками, – сказал он и схватил покрасневшего Тео за шею, – то мои звери не жевали бы твою арфу так часто.

Остальные рассмеялись и закатили глаза, пока Тео притворялся, что пытается вырваться из захвата. Все мы знали, что он предпочел бы остаться в нем.

– Вместо котят вполне могли быть детеныши боевого буй-

вола, — заметила Майазатель, скатившись с постели и перебирая пожелтевшие от времени свитки. — Так что считай, что тебе повезло. Мы изучали, как можно вывести в империи буйволов с более толстой шкурой. Если мне удастся разработать достаточно большую броню, буйволы могут заменить наши старомодные боевые орудия.

Я нахмурилась.

— Боевые орудия? Для чего?

— На случай, если ты не успокоишь абику, — ответила Майазатель, никогда не щадившая чужие чувства. — И на континенте начнется война. А еще какой-то подстрекатель вмешивается в дворцовые поставки. Зовет себя Черепахой или Крокодилом, что-то вроде того. В любом случае, если уж боевые орудия не отпугнут его от твоих железных рудников, то боевой буйвол, наверняка справится с этим лучше.

— Точно, — сказала я удивленно. — Мы с Дайо... теперь владеем всяким.

— Это не просто *всякое*, — со смешком сказал Уманса, новый Верховный Казначей. — Семья Кунлео владеет почти всеми природными ресурсами на континенте после образования империи. Рудники, водяные мельницы, лесопилки. Почему, ты думаешь, имперская сокровищница никогда не пустеет? Кунлео получают столько прибыли от самих ресурсов, что им почти не нужно прикасаться к доходам от налогов.

— Ох. — У меня закружилась голова. — Но разве во всех

этих местах не работают люди? И разве от них не зависят деревни работников? Как нам с Дайо полагается уследить за всеми сразу?

– А вам и не полагается, – ответила Майазатель радостно. – Знать управляет мельницами и рудниками за тебя. В счет определенной доли доходов, разумеется. Императоры вмешиваются только тогда, когда представители знати нуждаются в поддержке.

– Поддержке?

– В грубой силе. – Она ухмыльнулась. – Например, в боевых буйволах.

– Точно. – Я нервно кивнула. – Ну, как бы там ни было, тебе не нужно читать все эти свитки, я уже прочла половину из них. Я могу передать тебе свои воспоминания о том, что в них говорится.

– Или, – сказала Майазатель, – ты могла бы поручить вопросы обороны мне, поскольку это моя работа, и вместо этого обратиться к двенадцати монархам, ждущим тебя внизу?

Я насупилась и деловито оглядела комнату.

– Уманса, ты нашел свой ткацкий челнок? Ты не можешь чертить свои пророчества без...

– Мой челнок там, где должен быть, – отозвался Уманса сухо. – В отличие от тебя, сестра моя.

– Да почему все так одержимы этим дурацким званым вечером?!

Стиснув зубы, я развернулась, желая покинуть комнату.

И врезалась прямо в чью-то широкую грудь: кто-то стоял в проходе. Когда в ноздри ударил запах кожи и металла, я поморщилась. Ну, вот: моя песенка спета.

– Тар? – Санджит придержал меня за плечи, помогая сохранить равновесие. В свете факелов сверкали золотом и сталью регалии Верховного Генерала. Глаза чайного цвета с беспокойством оглядели мою сорочку: – Солнечная девочка... почему ты не одета?

За его спиной стояла Ай Лин. Она выглядела роскошно в своем парадном наряде. Сестра с тревогой смотрела на меня. Все присутствующие мигом застыли.

Волосы у меня на шее наэлектризовались: мои братья и сестры говорили через Луч. В воздухе пульсировали слова и чувства. Я знала, что они говорят обо мне, но когда я попыталась подслушать, они блокировали меня ментальными щитами. Ощувив прилив раздражения, я нажала Лучом снова – и через их барьер проскользнули обрывки фраз.

«...нужно ее остановить. Она сама не своя с тех пор, как...»

«...справиться с ролью императрицы. Она сильнее, чем Дайо. Но, возможно, мы ошиблись. Не стоило поощрять ее...»

«...защитить ее, даже от нее самой. Даже если это значит...»

Я укрепила свою собственную ментальную защиту, заставив голоса замолкнуть.

– Мне нужно на воздух, – выдохнула я и выбежала прочь, миновав Санджита и Ай Лин.

– Лучше оставьте ее, – услышала я голос Киры вслед. – Я весь вечер пыталась до нее достучаться.

Но Санджит и Ай Лин все равно направились за мной. Я последовала старой привычке, которая выручала меня с детства, когда позолоченные стены Ан-Илайобы начинали меня душить.

Сбежала на крышу.

Глава 4

Я поднялась по узкой лестнице, ведущей в верхний сад. Меня тут же обдало ночной прохладой и ароматом цитрусов. Плоскую крышу из песчаника украшали лечебные травы, карликовые пальмы и фруктовые деревья в горшках, аккуратно расположенные между золотых куполов. Тереза из Нонта стояла, покачиваясь, между душистыми лозами кусо-кусо. В лунном свете ее золотые волосы казались почти белыми. Своим Даром она заставляла листья кусо-кусо расти, цвести, увядать и цвести снова, раз за разом, пока они не начинали соответствовать ее строгим стандартам. Когда я выбежала на крышу – Санджит и Ай Лин следовали за мной, – Тереза даже не вздрогнула.

– Ты ведь знаешь, что они правы, – пробормотала она, не поворачиваясь ко мне. Говорила она слегка с придыханием, как принято в Нонте. – Тарисай, *ma cherie*... ты не можешь прятаться вечно. Хотя в последнее время ты *очень* мне помогаешь. Ты нашла семена эхинацеи?

– Ты слышала наш спор? – спросила я с ужасом. – Через два этажа?

– Только то, что говорили через Луч, – Тереза показала на лозы. – Мои кусо-кусо сегодня особенно сильны. Я, наверное, могла бы услышать тебя через Луч даже с вершины нонтских гор.

– Поговори с нами, Тар, – убеждал Санджит. Он послал через Луч волну тепла вдоль моего позвоночника, отчего я слегка вздрогнула. – С тобой что-то происходит. Как тебе помочь?

Я закусила губу, глядя на небо цвета темного индиго, усеянное звездами и пульсирующее лавандовыми спрайтами.

– Я не могу, – сказала я наконец. – Я не могу предстать перед всеми этими людьми.

– Перед этими напыщенными королями? – Ай Лин рассмеелась, явно пытаясь разрядить обстановку. – Этими придворными курицами? Поверь, они и в подметки не годятся нашей императрице!

Она говорила вроде бы искренне, но... Ай Лин всегда такой казалась, если хотела.

Это было несправедливо с моей стороны. Ай Лин никогда не использовала свой Дар убеждения на членах Совета. Она вообще редко использовала Дар, хотя людям было сложно в это поверить. За две недели в качестве имперского посла Ай Лин успела успокоить две буйные толпы, собравшиеся у стен дворца, чтобы опротестовать мое правление, убедив их с помощью своих речей. Она заключила торговое соглашение между Сонгландом и Аритсаром, несмотря на вполне понятное недоверие к нам со стороны сонгландцев. Но ее мелодичный голос, быстрый ум и деловая смекалка – это был не Дар. Это была просто *она*: моя сестра, безупречная Ай Лин из Морейо.

– Прости, что доставила столько хлопот, – пробормотала я и поморщилась, взглянув на ее потрясающий торжественный наряд.

Ткань помялась после забега по лестнице. Свет факелов отражался на ее персиковом шелковом *ханьфу* – струящемся одеянии ее родного королевства – и на жемчужных украшениях в ее волосах.

Ай Лин в одиночку организовала сегодняшний Вечер Мира. Она убедила всех правителей континента остаться в Ан-Илайобе, вместо того чтобы уехать после срыва церемонии Перемирия. Несколькими этажами ниже, в Имперском Зале, двенадцать правителей ожидали, что я уговорю их присягнуть мне в верности. Связать свои разумы с моим до конца жизни. Но...

– Они думают, что я убила Таддаса, – запротестовала я. – Все они – и придворные, и правители. Все. Как они могут полюбить императрицу, которая хладнокровно кого-то убила?

Ямочки появились на щеках у Ай Лин.

– При дворе, – сказала она, – репутация убийцы – это не всегда плохо.

Я скривилась.

– Я... боюсь даже спрашивать почему.

– Вся разница между убийцей и героем – в том, кто рассказывает историю. – Ай Лин прочистила горло, затем подняла руки, словно обращаясь к тронному залу. Голос ее был спокойным и властным.

– Смерть Таддаса, – произнесла она, – снимает все подозрения в том, что наша императрица-Искупительница находилась в сговоре с Леди. Напротив: императрица Тарисай – наша спасительница. Она помешала опасному преступнику, совершившему государственную измену, сбежать из дворца. Она так ратует за правосудие, так верна памяти Олугбаде... что даже хладнокровно убила собственного наставника. Как смело с ее стороны, – Ай Лин изящно промокнула уголок глаза. – Какое величие!

Я отшатнулась. Меня стошнило в ближайший горшок с пальмой. Ай Лин выругалась и подбежала ко мне, чтобы погладить по спине:

– Великий Ам, Тари, дорогая! Я не подумала. Я не хотела... – Она поморщилась. Уверенность пропала из ее голоса. – А ведь казалось бы, с Даром убеждения я не должна быть такой засранкой.

– Ты не засранка, – проблеяла я. – Ты права. Ты всегда права, а я не справляюсь с ролью императрицы.

Тереза сняла с пояса флакон и запрокинула мою голову, выливая содержимое мне в горло. В ноздри ударил резкий запах мяты – тошнота сразу прошла. Кожу покалывало: Санджит проверил меня своим Даром, ища в теле признаки болезни. Наверное, он нашел только трусость, пульсирующую в жилах.

– Единственное, с чем ты не справляешься, солнечная девочка, – сказал он тихо, – так это с тем, чтобы позволить нам

помочь тебе. Мы – твоя семья. Просто скажи, что тебе нужно.

– Пойдемте со мной, – пискнула я. – На торжественный вечер. Все вы.

Ай Лин напряглась.

– Ты ведь знаешь, это плохая идея, – сказала она мягко. – Чем меньше у тебя спутников, тем лучше. Это будет нечто вроде сигнала: ты здесь, чтобы завести новых друзей, а не прятаться за спинами старых. Но Дайо идет, так что ты будешь там не одна. А еще идем мы с Кирой, раз уж мы отвечаем за мирные переговоры с Сонгландом.

Фраза «заводить друзей» звучала слишком буднично для того, что сегодня предстояло. Абику приняли мою жертву при одном условии: я должна стать полноценной Лучезарной – помазать вассальных правителей всех аритских королевств и создать собственный Совет Одиннадцати. Если я не смогу этого сделать, абику решат, что я недостаточно хороша в качестве жертвы. Мирные времена в Аритсаре закончатся.

Я спросила:

– Как эти правители могут полюбить меня, если думают, что я убила человека?

– Ох, Тар. Любовь – восхитительно сложная штука. – Ай Лин положила мою руку себе на лоб, предлагая свои воспоминания. Кислые лица нескольких правителей мелькнули у меня перед глазами. – С самой церемонии Перемирия вассальные правители живут в гостевых виллах в Олуоне. Я ре-

шила нанести им визит, — объяснила она. — Разнюхать, что они о тебе думают. Как оказалось, ты произвела хорошее впечатление, когда отменила Указ о Единстве. Но ты также показала себя довольно импульсивной. Слишком старательной. Немного наивной. Другими словами, никто из вассальных правителей не воспринимал тебя всерьез. Ты была для них лишь ребенком, пока...

— Пока я якобы не убила своего наставника. И теперь они меня ненавидят.

— Они боятся тебя, — поправила Ай Лин. — А это гораздо полезнее. Люди не могут любить того, кого не уважают. А страх — ну, это шаг в верном направлении.

— Ай Лин, — пробормотал Санджит, чувствуя своим Даром мою тревогу. — Тереза... не могли бы вы оставить нас ненадолго?

Мои сестры перевели взгляд с меня на Санджита, переглянулись, многозначительно поиграв бровями, и скрылись на лестнице без единого слова.

Как только мы остались наедине, я начала жадно всматриваться в его лицо, задержав взгляд на ушах и изгибе бровей. Я больше никогда не буду упрекать своих братьев и сестер за незаконные романы — я была самой большой нарушительницей из всех. Он улыбнулся мне. В карих глазах читалась усталость. Он распахнул объятия, и я прижалась щекой к его закованной в броню груди, исследуя Лучом его пахнущую землей кожу.

– Я предпочел бы говорить вслух, – сказал он. Взрывные согласные его насыщенного дирмийского акцента напоминали звук барабана. Он издал короткий смешок. – Во всяком случае, сейчас. Остальные хотят как лучше, но мы оба знаем, что они с удовольствием подслушают нас при любой возможности.

– Ты собираешься прочесть мне нотацию. – Я подняла голову, уткнувшись подбородком в его грудь. Меня укололи холодные позолоченные шипы на кожаной броне, подтверждающие его статус Верховного Генерала, но я не возражала. Паника уже покидала меня, вымещаемая спокойным ритмом его сердца. – Я бы не стала, на твоём месте. Кира пыталась весь день, но у нее не очень-то получилось.

– Никаких нотаций, – пообещал он шепотом, касаясь губами моего шелкового платка. – Тар, если не хочешь идти туда, то... не ходи.

Я чуть не упала от потрясения, но его твердые руки меня удержали.

– Ты шутишь. – Я моргнула. – Разумеется, я должна пойти. Это же *мой* торжественный вечер.

Если мое противоречивое настроение и удивило Санджита, он не подал виду.

– Ты императрица, – сказал он просто, дотронувшись до маски обабирин, спрятанной под сорочкой. – Ты вольна делать что захочешь.

Я покачала головой и произнесла медленно, будто он ра-

зучился понимать аритский:

– Судьба всего континента зависит от того, что я скажу на этом вечере. Ты ведь знаешь. Или ты... – Я с подозрением прищурилась. – Или ты пытаешься заставить меня чувствовать себя виноватой, чтобы я туда пошла?

– Говоря противоположное? – Он нахмурился. – Звучит... как-то сложно.

Я рассмеялась.

– Прости, – сказала я, встав на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. – Ты никогда не мыслил, как придворный, для этого ты слишком прямолинеен. Но я не понимаю, Джит: на чьей ты стороне?

– На самой сложной: той, которая поможет тебе выжить. – Он улыбнулся, хотя в голосе его звучала горечь. – Ты то бросаешь вызов демонам из Подземного мира, то планируешь побег из тюрьмы – похоже, ты решительно настроена... подвергать опасности всех, включая себя.

– Я *рождена*, чтобы подвергать всех опасности.

Его улыбка увяла.

– Ты ведь знаешь, я не имел в виду проклятие твоей матери. Тар... в Аритсаре уже много веков не было никого, похожего на тебя.

Я услышала то, что он не сказал вслух: в отличие от Дайо, я была правителем, которого еще возможно убить.

И я поняла, что он прав. Пока я не помажу свой Совет, я неуязвима только к огню. Но все же...

– Ты ведь поддержал меня в становлении императрицей, – напомнила я. – Еще когда Мелу сказал, что я Лучезарная, а я все отрицала. Так почему ты хочешь, чтобы я сидела сложа руки? Другие правы: я не могу прятаться здесь вечно.

Лицо Санджита превратилось в бесстрастную маску. По коже у меня пробежал холодок: я ненавидела, когда это случилось. Каждый раз, когда Санджит хотел, но не мог что-то сказать – или сделать что-то, что он не мог полностью контролировать, – вокруг него словно воздвигалась стена, как зачарованный неприступный барьер вокруг усадьбы Бекина. Когда мы были младше, эта стена появлялась чаще – Санджит тогда был еще кандидатом в Детском Дворце, опасаясь собственного Дара. Он мог чувствовать физические изъяны любого человека, и чтобы избежать искушения, он научился закрываться от мира каждый раз, чувствуя злость, беспомощность или и то и другое сразу.

Годами я пыталась разрушить эту стену. Но с тех пор как я предложила себя абику в качестве жертвы как последняя Искупительница Аритсара... пропасть между нами снова начала расти. Иногда я чувствовала эту стену даже во сне, когда мы лежали ночами в объятиях друг друга.

Наконец он вздохнул, опустив плечи, и барьер разрушился. Он провел пальцами по своим темным кудрям.

– Правда в том, – сказал он странным хриплым голосом, – что в Ан-Илайобе тебе угрожает опасность. Даже здесь, в наших апартаментах. Я удвоил охрану у каждого входа во дво-

рец. В каждом коридоре стоят имперские гвардейцы. Но я так и не выяснил, как создание, убившее Таддаса, сюда проникло. А теперь еще этот Крокодил с его восстанием...

Я нахмурилась, вспомнив: Майазатель говорила что-то о новоявленном народном мстителе.

– Крокодил?

Он моргнул, как будто сожалея, что заговорил об этом.

– Один проблемный парень. – Он небрежно отмахнулся. – Вызывает беспорядки в королевствах. Не волнуйся, я с этим справлюсь. У тебя, видит Ам, и своих хлопот хватает.

Я нахмурилась было, но затем со двора внизу раздалась музыка гриотов, и сердце у меня упало.

– Ты правда думаешь, что я могу завоевать симпатию этих монархов? – Тяжело сглотнув, я уставилась в темноту. – Со-мневаюсь, что они горят желанием со мной общаться после случившегося с Таддасом. Неважно, что говорит Ай Лин: время для торжества сейчас явно неудачное.

– Ты не могла не попытаться его спасти, – ответил Санджит монотонно. – Это то, кто ты есть.

– Ты думаешь, я поступила глупо, – обвинила я его. – Ты думаешь, что мне стоило оставить Таддаса в покое. Позволить ему умереть за мои ошибки.

Я видела, как он задумался о чем-то, но тут же подавил возникшую мысль, тщательно контролируя выражение своего лица.

– Скажи это, – велела я.

Он отвел взгляд.

– Сказать что?

Я вздохнула и обняла его за шею, улыбнувшись.

– То, о чем ты там думаешь, Санджит из Дирмы. То, что ты не знаешь, как подсластить.

Он оглядел меня своими глубоко посаженными карими глазами. Мурашки бежали по коже вслед за его взглядом – от ключиц до ярко-синих узоров у меня на руках. Затем он прильнул к моим губам своими, отчего армия стрекоз закружилась у меня в животе. Поцелуй был медленным и вдумчивым. Как медитация.

– Хорошая попытка отвлечь. – Я глотнула воздуха, зная, что своим Даром Санджит чувствует мой учатившийся пульс. – Но тебе все равно придется сказать это.

Он мягко рассмеялся, уткнувшись подбородком мне в макушку.

– Я думал о том, – сказал он, – что люди будут умирать за тебя, и тебе стоило бы к этому привыкнуть.

Я напряглась в его объятиях.

– Потому что я проклятая Лучезарная, всюду сеющая смерть?

– Нет.

Он показал мне воспоминание: день моего Первого Указа его глазами. Его сердце переполняли страх и изумление, пока толпа зрителей в Имперском Зале скандировала мое имя: *«Идаджо. Идаджо. Тарисай Идаджо»*.

– Тебе стоит смириться с этим, потому что люди готовы умереть за то, во что верят. Ты привыкла к чужой ненависти. Но, Тар... однажды тебе придется нести бремя гораздо более тяжкое.

Он показал вниз, на двор, сияющий праздничными огнями, где не меньше сотни людей думали, что я завоюю их сердца.

– Тебе придется привыкнуть к любви.

Глава 5

Через час я стояла в просторном, ярко освещенном коридоре с Ай Лин, Кирой и Дайо, ожидая перед высокими дверями Имперского Зала.

– По вашей команде, Ваши Императорские Величества, – сказал гвардеец.

Я тяжело сглотнула. Ладони вспотели.

– Еще секунду, пожалуйста, – выдавила я.

Гвардеец терпеливо ждал, готовый отдать приказ открыть эти массивные двери, что было возможно только при помощи десятка крепких слуг и толстой веревки, продетой через носы вырезанных в двери деревянных львов. С самой церемонии Продления Перемирия от одного вида этих дверей меня бросало в дрожь. Я никому не говорила почему.

Каким-то образом – после того как я пересекла всю империю и едва не умерла, а Мелу вернул меня к жизни, – я сумела открыть эти двери сама.

Я прорвалась сквозь несколько тонн твердого дерева и железа, отчаянно желая остановить церемонию во что бы то ни стало. В лихорадочной дымке решимости я с оглушительным грохотом распахнула массивные двери одним прикосновением. С того дня никто не смог открыть их в одиночку.

В Олуоне деревянные двери в принципе были редкостью, поскольку в жарком климате они считались непрактичными

и гораздо более дорогими, чем льняные занавеси, которые обычно вешали в проходе. В легендах говорилось, что много веков назад олуонская алагбато – волшебный дух-хранитель, как мой отец, Мелу из Суоны, – создала двери Имперского Зала, пожертвовав для этого священными деревьями. По велению алагбато стволы деревьев превратились в гладкие доски, а затем она достала железо из собственного сердца и сделала из него гвозди. В качестве последнего штриха она вырезала сложные узоры на двери, символизируя древний пакт между алагбато и династией Кунлео – первыми людьми, воздвигшими города на плодородных равнинах Олуона. Но о чем в этом пакте говорилось... никто уже не помнил. По всей видимости, эта алагбато спала уже много поколений, как часто случалось с духами природы, когда промышленность процветала, а землю усердно обрабатывали. Иногда я касалась этих дверей из любопытства, но чувствовала лишь человеческие воспоминания: гул роскошных торжеств, голоса знати и Помазанников, приговоры имперского суда.

Сейчас в этом зале собрались правители каждого королевства на континенте, ожидая моего появления. Интересно, о чем они думают и перешептываются за этими древними дверями?

«Все будет хорошо, – прозвучал в моей голове теплый тенор. – Не торопись, Тар. – Звук расцвел, как и всегда, прямо за глазами яблоками, как будто мы разделяли одну душу на двоих. – Ты стоишь того, чтобы немного подождать».

Император Экундайо Кунлео, *оба* Аритсара, коснулся моей руки: я ощутила холод его золотого кольца-печатки с солнцем и звездами. В последнее время мне было тяжело на него смотреть. Под глазами у Дайо темнели круги – и я видала в его усталости себя.

Дайо всегда был худым. Но за последние несколько недель от него как будто и вовсе остались кожа да кости, отчего он казался старше, а ожог, тянувшийся от челюсти до ключицы, стал еще заметнее. Однако он сиял, одетый в торжественную *агбаду* своего отца – длинный фиолетовый кафтан с драпировкой на плечах. В этом наряде Дайо казался больше раза в три: ткань струилась вокруг него, переливаясь на свету позолоченными нитями. Он не походил на измученного бессонницей мальчика, скорбящего по отцу.

Он выглядел как настоящий император.

– Не волнуйся обо мне, – сказала я, касаясь его щеки. – Тебе отдых нужен больше, чем всем нам, вместе взятым.

– Забавно. – Глубокая морщина образовалась на гладком темном лбу Дайо. – Наверное, я должен ощущать себя хуже после смерти отца.

– Хуже?

– Печальнее. – Дайо закусил губу, глядя на массивные двери – наследие его семьи. – Но правда в том, что... отец не позволял мне по-настоящему узнать его. И никому не позволял. Я думал, что пойму, когда стану старше, но...

Он замолчал, не договорив.

– Горе – это всегда непросто, Дайо, – произнесла Ай Лин тихо.

Она смотрела на него с сочувствием и чем-то еще, чему я не могла дать название. Воздух потрескивал – я ощутила, как она потянулась к Дайо Лучом, но затем остановилась, резко вернув свои ментальные щиты на место, как будто боялась, что ее мысли выдадут слишком многое.

– И то же самое с Таддасом, – сказал Дайо, не заметив порыв Ай Лин. – Это так странно. Он растил меня наряду с остальными советниками, и я правда любил его. Но когда я пытаюсь скорбеть по дядюшке Таду, то почему-то чувствую только... пустоту.

– Он убил твоего отца, – заметила Кира.

– Все куда сложнее, – возразил он. – Дядюшке Таду пришлось совершить невозможный выбор.

– Знаю. – Кира похлопала Дайо по руке, и серебряные монеты на ее тунике зазвенели. – И все равно ты имеешь право злиться.

Он открыл рот. Закрыв его. Скривился. Я дотронулась до его щеки, проведя большим пальцем по линии челюсти. Лишь недавно я начала замечать наше сходство: те же круглые ноздри и маленький подбородок. Наследие нашего общего дедушки.

– Ву Ин тоже не хотел убивать мою мать, – сказала я тихо. – Но мне все равно приходится прощать его заново каждый день. И... – Я переступила с ноги на ногу. – Я понимаю,

если тебе приходится прощать и меня тоже.

Большие глаза Дайо округлились от ужаса:

– Я не обвинял тебя!

– А стоило бы. – Слова застряли у меня в горле. – Если бы я не рассказала Леди о Мбали и Таддасе, она не получила бы рычаг давления. Твой отец был бы жив. Как и Таддас. И...

Я отвернулась в смущении: слезы текли по щекам, смазывая краску.

– Те, кто украшал твое лицо, закатили бы сейчас истерику. – Ай Лин зацокала языком, изящно промокнув мои щеки рукавами своего персикового ханьфу. Затем она отступила от меня, я всхлипнула и наклонила голову. – Впрочем, возможно, чем меньше макияжа, тем лучше. Уязвимость может быть полезной. В конце концов, – она подмигнула, – сегодня они должны в тебя влюбиться.

– А я должна убедить их, что я – не хладнокровная убийца.

Она лишь пожала плечами.

– Как я и говорила, дорогая: страх – это лишь инструмент.

Люди боялись меня всю мою жизнь. Я никогда раньше не пыталась использовать это для своей выгоды.

Ай Лин поправила ожерелье из ракушек каури у меня на плечах и украшения из слоновой кости в моей прическе: волосы спереди были заплетены в сложную поперечную косу, а сзади свободно развевались, подобно черному ореолу.

– Знаешь, – произнесла она задумчиво, – мой Дар не все-

могуш, но я могла бы... *подтолкнуть* правителей континента вступить в твой Совет. Я не могу заставить их полюбить тебя. Но я могу сделать так, чтобы им захотелось попробовать. Конечно, поначалу они будут сопротивляться, но рано или поздно их ментальная защита ослабнет. А когда они узнают тебя поближе...

– Нет. – Я покачала головой. – Если уж у меня будет свой Совет, я хочу, чтобы он был похож на наш. Чтобы они сами выбрали эту жизнь. – Я переглянулась с Дайо. – Выбрали стать семьей.

– Семью обычно не выбирают, – заметила Ай Лин. – Нам просто повезло.

Она бросила на Дайо взгляд, полный невыносимой нежности. Ее слова зловеще звенели у меня в ушах, пока барабаны отбивали торжественный ритм.

Я посмотрела на свое отражение в зеркальном потолке. Аритские придворные обычно носили одеяния в стиле своих родных королевств. Слуги облачили меня в дипломатический компромисс между стилями Суоны и Олуона. Одежда была намеренно странной – дань традициям каждого королевства. Наверху не было ничего, кроме широкого ярусного ожерелья из позолоченных ракушек каури с застежками на шее и спине. Даже это было скорее современным решением – в древности женщины Олуона не закрывали грудь ничем. Бедра облежала роскошная олуонская ткань цвета темного индиго с бело-золотыми нитями – юбка *ашоке*. Ткань

доходила до колен, а ниже ноги были украшены полосками сухой травы, доходящими до лодыжек – дань моде Суоны.

За дверями Имперского Зала музыка становилась все громче.

– Забавно, – пробормотала я рассеянно. – Через два года я брошусь в Разлом Оруку, чтобы войти в Подземный мир. Но почему-то сегодняшний вечер пугает меня сильнее. – Я хмыкнула. – После этого умирать будет уже не страшно.

Я немедленно пожалела о своих словах. Все трое моих спутников застыли.

– Но ты не умрешь, – сказал Дайо. Меня удивила резкость его тона. – Ты вернешься из Подземного мира. Как обещала.

– Точно. – Я быстро кивнула, чувствуя, как в панике забилось сердце. – Я ляпнула не подумав. Прости.

– Как ты и обещала, – повторил Дайо. И мое сердце пропустило удар.

Я не лгала – я правда не собиралась умирать в Подземном мире. Но я не могла быть в этом уверена... а Дайо всегда плохо справлялся с неопределенностью. Я боялась, что еще одна потеря сломает его: за последний год он успел стать свидетелем кровавой бойни в Эбуджо, едва не умер от раны в живот, которую я ему нанесла, и потерял отца.

– Да. – Я попыталась улыбнуться. – Обещаю, Дайо.

– Хорошо. – Он кивнул, все еще дуюсь. – Потому что... потому что я не стану проводить свою коронацию, пока ты не вернешься.

Я потрясенно на него уставилась.

– Это невозможно, – произнесла я медленно. – Я войду в Подземный мир только через два года. Ты не можешь отложить коронацию так надолго.

– Кто сказал? – спросил он. В голос его вернулась обычная жизнерадостность. – Мы и так уже считаемся императором и императрицей. Коронация – просто формальность. Кроме того, если мы подождем, то после спасения Искупителей тебя будут считать героиней. Тогда Аритсару просто придется тебя принять!

Я очень в этом сомневалась, но не стала больше на него давить. Отчаяние, читавшееся на его лице, выдавало истинную причину того, почему он хотел отложить нашу коронацию: если Дайо сможет убедить всю империю, что я вернусь из Подземного мира, то он сможет поверить в это и сам.

Мы кивнули гвардейцу, и двери со скрипом открылись.

На нас обрушилась оглушительная волна света и музыки.

«Ох, – потрясенный голос Дайо раздался у нас в головах. – Ай Лин, ты говорила, что торжество будет пышным, но это... это просто невероятно!»

На каждой поверхности сияли свечи, лампы со спрайтами или напольные факелы, отражаясь в мраморных сиденьях вдоль стен, которые могли вместить несколько тысяч людей. В просторном зале словно остановилось время: казалось, сейчас полдень, а не глубокая ночь. Освещение такой большой комнаты стоило немалых денег. Дневное торжество

обошлось бы нам дешевле, но учитывая, какую услугу я собиралась попросить у наших королевских гостей... Что ж. Возможно, роскошь настроит их на благодушный лад.

«Все дело в подаче, – сказала Ай Лин через Луч, сияя от восторга. – Так мы показываем нашим вассалам, что император и императрица не поскунятся ради мирных переговоров».

Я не была уверена, что сверкающие стены зала говорили о *мире*. Все это – от черно-золотых гобеленов до гигантских обсидиановых статуй, поддерживающих потолок, – все говорило только об одном:

На колени – или будешь уничтожен.

Костюмированный хор выскочил перед нами, когда мы вошли. Играя на барабанах, хор скандировал древние слова в виде вопроса и ответа:

Для чего нам – о, скажи же!

Для чего нам трон пустой?

Мы нашли достойных трона. Вы нашли?

Эгей, Кунлео! Да, они достойны трона!

Пусть восславятся в веках!

Наши гости – вся сотня – присоединились к хору, и я едва не обмочилась от ужаса. Но вовремя напомнила себе: мне нельзя бояться. Я – Кунлео, а это – наши гости. Наш дворец.

Если это змеиное гнездо, то мы с Дайо – кобры, которые им правят.

Я уже слышала эту традиционную песню раньше – «*Кун-лео достойны трона*», – но лицо все равно запылало. Каждый раз, когда мы с Дайо покидали дворец, дети пели это нам на улицах, бросая лепестки цветов и сделанные своими руками безделушки на крышу нашего паланкина. Обожание незнакомцев всегда меня нервировало. Но сейчас, взглядев-шись в лица гостей и вздрогнув от написанной на них враждебности... я осознала, что чужой страх – не лучше обожания.

Новый герб Кунлео сверкал на далеком куполе потолка: два пересекающихся солнца, символизирующие совместное правление двух Лучезарных и окруженные узором из сцепленных рук. Зал был уставлен длинными столами, золотыми в свете праздничных ламп. Ай Лин, Кира и Дайо заняли свои места во главе столов, усевшись на бархатные вышитые подушки.

Я осталась стоять.

«*Пора*», – велела Ай Лин через Луч.

Я взмахнула руками по направлению к высоким окнам, как мы репетировали. Гости ахнули: сотни лавандовых огоньков влетели в зал, скопившись под потолком.

Спрайты никогда не покидали землю, на которой родились, – если только их не ловили в лампы на продажу. Так что все были совершенно потрясены, когда три недели назад за окном моей спальни в Ан-Илайобе внезапно образовалось облако суонских тутсу.

Я рассказала правду, наивно надеясь всех успокоить: что мой отец – алагбато Мелу, дух-хранитель Суоны. Освободившись от его проклятия, я, похоже, начала привлекать спрайтов своим запахом за тысячи лиг. Это объявление привело в восторг аритских простолюдинов и серьезно напугало придворных: лишь немногие находились где-то посередине между этими крайностями.

Для всего Аритсара я теперь была или богом, или демоном.

Спрайты под куполом сформировали сверкающие созвездия, имитируя ночное небо Олуона. Меня переполнило облегчение. Духи-тутсу ужасно не любили находиться в помещении, и у меня ушло много дней практики, чтобы они влетали в зал по моему зову.

Толпа заплодировала: одни с восхищением, другие – с опаской. Многие увидели в этом демонстрацию силы, которая при всей своей красоте легко могла быть угрозой. Там, где одни видели звездное покрывало, другие видели маленькую армию у себя над головой.

Я вспомнила слова Ай Лин: *страх – это инструмент*. Так что я лишь улыбнулась, стараясь выглядеть отстраненной и спокойной. Пусть боятся.

Пир начался, когда я подняла миску с орехами кола над головой, произнесла традиционное приветствие и передала миску дальше – древний жест гостеприимства. Королева Хэ Сунь из Сонгланда, наследная принцесса Минь Цзя и один-

надцать вассальных правителей Аритсара в молчании сидели за моим столом. Нервозность мешала сосредоточиться: лица за столом смазывались в одно большое пятно. Самый старый монарх годился мне в дедушки, а самому молодому, к моему удивлению, было на вид не больше тринадцати. Каждый правитель коснулся миски и кивнул, выражая свое согласие.

Мы с Дайо не прикасались к блюдам с жареной козлятиной, пряным рисом, жареными грушами и бананами. Не касались мы и кубков с пальмовым вином и травяной водой. Перед торжеством мы приняли особые настойки, чтобы подавить аппетит, поскольку считалось, что если Лучезарный ест и пьет на публике или покидает помещение, чтобы облегчиться, то это – демонстрация слабости. Каждая традиция при дворе служила укреплению древней выдумки: что Лучезарные – это почти боги, избранные лично Сказителем для правления Аритсаром.

Мне даже не требовалась настойка – от волнения у меня пропал аппетит. Но как только трапезный шум стих, я натянула на лицо маску уверенности, ополоснула руки в церемониальной лохани с водой и встала.

– Добро пожаловать, дорогие гости, – начала я, едва не подпрыгнув от того, как громко звучал мой голос.

Ай Лин поместила зачарованный эхо-камень за моим сиденьем. Во всем зале остановился звон и скрежет посуды, барабаны и цитра умолкли. На меня уставилось море глаз.

– Я хотела бы выразить свою благодарность вассальным

правителям Аритсара и нашим гостям из Сонгланда за то, что вы приняли мое приглашение. Уверена, вам хотелось бы как можно скорее вернуться в родные королевства после того, как я... изменила условия нашего соглашения с абику. – Я напряженно улыбнулась, проигнорировав волну неодобрительного шепота. – Ваш выбор сегодня решит судьбу империи. Я хочу стать последней Искупительницей, которую когда-либо отправят в Разлом Оруку. Я хочу убедиться, что ни одного ребенка – аритского или сонгландского – не принесут больше в жертву.

– Хорошо сказано! – перебил меня Дайо, активно зааплодировав. Гости неловко к нему присоединились.

– Но абику не примут меня, – продолжила я, – если я не помажу Совет из двенадцати правителей Аритсара. Знаю, я прошу... о многом. О сделке на всю жизнь, о том, чтобы объединить наши разумы и кровь. Но я была на вашем месте. В конце концов, я тоже Помазанница, и я знаю, как пугающе это звучит. Однако если мы не попытаемся...

Набрав воздуха в грудь, я раскусила высушенные листья кусо-кусо, спрятанные у меня под языком. Аромат травы тут же ударил в голову, и глаза заволокло зеленой дымкой. Дар в моей крови – наследие отца-алагбато, который умел слышать истории земли, – закипел под кожей, умоляя вытянуть воспоминания с каждой поверхности, которой я касалась. Вместо этого я использовала его, чтобы поделиться со всеми гостями за моим столом *своим* воспоминанием: видением кро-

вавой бойни в Эбуджо, где тела усеивали храм, растерзанные на части злобными созданиями из Подземного мира.

Глава 6

– Такая судьба может постигнуть весь континент, – сказала я, заглушая возмущенные крики. – Вы должны были это увидеть. Прошу, сядьте. Я...

Они повскакивали с мест – некоторые угрожали покинуть торжество прямо сейчас. *Нет!* Ладони у меня вспотели. Они не могут уйти: это мой единственный шанс спасти Аритсар. Остановить тысячи детских жертвоприношений. Миллионы. От отчаяния сердце у меня забилось сильнее, в груди поднялась волна жара.

Когда я заговорила снова, мой голос звучал ниже, и эхо-камень разнес его по всему залу.

– *Прошу вас*, – прогремела я. – *Сядьте*.

Под ожерельем из ракушек каури маска обабирин обожгла меня, как уголь. На мгновение, я могла поклясться, маска засияла.

Затем, словно в трансе, все аритские правители вернулись на места с удивленными лицами. Когда жар спал и мой пульс пришел в норму, они все еще сидели, потрясенные, как будто только что очнулись от некоего странного сна.

Я была удивлена не меньше их. Только представители Сонгланда продолжили стоять: похоже, их не коснулось то, что подчинило других монархов.

– Пожалуйста, – обратилась я к ним уже обычным своим

ГОЛОСОМ.

Сонгландцы нахмурились... но, настороженно переглянувшись, добровольно сели на место.

– Спасибо, – сказала я, все еще ошеломленная случившимся. – Я просто... пыталась доказать вам, что опасность реальна. Если монстры начнут выходить из Разлома Оруку, они не только убьют нас, они также настроят наши королевства друг против друга, прямо как в Эбуджо. Империя развалится в мгновение ока, и мы станем так же слабы, как были пятьсот лет назад. Полагаю... если мы не сформируем Совет, чтобы успокоить абику, существование всего Аритсара окажется под угрозой.

Хотя аритские правители успокоились, они явно не сразу отошли от посланного мной видения. Некоторые шурились, глядя в кубки, словно подозревали, что их опоили. Другие бросали вопросительные взгляды в сторону Киры, осеняя себя символом Пеликана.

– Вам нечего бояться, – заверила их Кира своим уютным тоном Верховной Жрицы. Она благословила стол священным жестом. – Предупреждение императрицы – великий дар.

– Именно! – воскликнул Дайо. – У нас осталось только два года, чтобы избежать судьбы Эбуджо. Поэтому, – он встал и взял меня за руку в знак поддержки, – мы с императрицей-Искупительницей хотели бы продлить наше приглашение: останьтесь в столице Олуона. Все вы.

– Не навсегда, – добавила я быстро. – Но мы не можем рисковать слишком частым использованием камней переноса. Вам нужно остаться лишь до тех пор, пока...

Пока вы не полюбите меня и не объедините ваши сознания с моим до конца жизни.

– ...Пока вы не попробуете вступить в мой Совет, – закончила я жалко. – И тогда империя будет в безопасности. Мы разместим вас всех с высочайшим комфортом за счет короны. Верховный Генерал Санджит лично убедился в безопасности каждой виллы. – Я расправила плечи. – А сейчас можете задавать вопросы.

Зал наполнился какофонией голосов. Правители и их подданные взревели, перекрикивая друг друга, качали головами в знак протеста, переворачивали случайными жестами блюда и кубки на столе.

Ай Лин спокойно встала на эхо-камень рядом со мной и сказала:

– Возможно, будет лучше, если вы начнете задавать вопросы по очереди.

Ее Дар накрыл комнату, как толстое одеяло. Некоторые упрямы все еще бормотали что-то себе под нос, но большинство притихли, выглядя пристыженными.

Первым заговорил король Гелиос из Спарти – седой мужчина с обветренной кожей. На груди у него, из-под хитона с позолоченными краями, виднелись кудрявые волосы.

– Со всем уважением, Ваши Императорские Величества, –

начал он, – но сейчас не имеет значения, готовы ли мы *попытаться* полюбить императрицу. Предположим, вы преуспеете. Что дальше? Мы будем жить в Олуоне вечно, не в силах покинуть Лучезарную, вынужденные пренебречь нашими собственными странами? Святой Океан, да мое отсутствие за один последний месяц уже сказалось на отправке нескольких кораблей! Торговля в Спарти полностью остановится, даже рыбаки разорятся!

Другие правители согласно загудели. Шум снова начал нарастать.

– Для этого мы кое-что придумали, – вставила Ай Лин, достав из кармана саше из высушенных листьев.

В нос тут же ударил резковатый дурманящий запах.

– Кусо-кусо? – спросила королева Данаи из Суоны. Серебристо-белые локоны были уложены на ее голове в сложную прическу. Она внимательно посмотрела на Ай Лин. – Но это трава для сна. Как она нам поможет?

Ай Лин загадочно улыбнулась.

– Это правда: в некоторых регионах Аритсара целые деревни вдыхают дым кусо-кусо, чтобы разделить общий сон. Но наш Совет экспериментировал со способами передачи сообщений на большие расстояния, чтобы улучшить связь между королевствами. – Она сделала паузу для пущего эффекта. – Как оказалось, кусо-кусо даже необязательно вдыхать в одной комнате, чтобы увидеть общий сон. Если двое – или больше – людей с крепкими узами видят один и тот же

сон... их разумы объединяются. Где бы ни находились. Сны работают так же, как и разговор вживую: облегчают симптомы лучевой тоски.

Дайо просиял, и Ай Лин немедленно покраснела.

– Это же гениально! – воскликнул он. – Как только каждый монарх будет помазан, им больше не придется оставаться в Олуоне. Новый Совет Тарисай сможет общаться с ней в любом месте и в любое время!

За столом послышался изумленный шепот. Затем раздался голос наследной принцессы Минь Цзя, ровный и отчетливый.

– Чего я не понимаю, – сказала она, – так это того, при чем здесь Сонгланд.

Я очень старалась не стушеваться под ее взглядом. Минь Цзя была великолепна в своем традиционном сонгландском наряде – длинная юбка и подходящая по цвету шелковая рубашка пастельных сине-белых тонов, контрастирующая с ее золотой кожей. У нее были те же прямые черные волосы и точеные черты лица, как у ее брата Ву Ина, и тот же блеск в темных глазах. В последний раз, когда я видела это выражение лица – горе под маской гнева, – Ву Ин держал нож у щеки моей матери, не зная о яде на лезвии.

«Осторожнее», – предупредила Кира через Луч.

Я напряглась.

«Ты ведь уже общалась с королевой и принцессой, верно? Что мне стоит о них знать?»

Кира закусила губу.

«Королева Хэ Сунь сама не своя с тех пор, как Ву Ин исчез. Теперь, когда она знает, что он жив, она стала немного бодрее, но, говорят, она все еще лишь тень себя прежней. А Минь Цзя... – Кира втянула воздух сквозь зубы. – Она... загадка. Она старше нас всего на десять или двенадцать лет, и при этом является единственной наследницей трона Сонгланда».

«Любопытно, – заметил Дайо, с интересом наклонив голову. – За исключением вдов-регентов вроде Хэ Сунь, обычно трон в Сонгланде переходит от отца к сыну, разве нет? Они даже не включают дочерей в генеалогические древа. Тогда почему в этом случае наследует Минь Цзя, а не Ву Ин?»

«Ву Ин младше ее, – возразила я. – А еще он Искушитель. Может, из-за этого Хэ Сунь не могла его назначить».

«Дело в том, – присоединилась Ай Лин, – что Ву Ин – даже не первый ребенок мужского пола у Хэ Сунь».

Мороз прошелся у меня по коже.

«Не первый?»

«Всего их было семь, – продолжила Ай Лин после неуютной паузы. – Семь здоровых сыновей, все – старше Минь Цзя и Ву Ина. Но что-то произошло. Ни один из моих шпионов в Сонгланде не знает наверняка, но... говорят, что Минь Цзя, когда была младше, убила собственных братьев».

Наследная принцесса Сонгланда, похоже, наслаждалась нашим молчанием. Она провела позолоченным ногтем по

ободку кубка, который издал низкий резонирующий свист. Затем улыбнулась и сказала:

– Три недели назад Аритсар заявил, что несет ответственность за гибель сотни тысяч сонгландских детей. К вашей чести, Верховный Посол и Верховная Жрица тут же поспешили возместить ущерб. – Она кивнула в сторону Ай Лин и Киры. – Должна заметить, этот процесс я намереваюсь сделать довольно болезненным, особенно в отношении бездонной сокровищницы Аритсара. И все же, Маленькая Императрица... я в замешательстве. Абику потребовали сформировать Совет из *аритских* правителей. Сонгланд не является частью империи – и, надеюсь, никогда ею не будет. Тогда зачем, – спросила она снова, разглядывая меня с холодным презрением, – мы здесь?

– Потому что я хочу, чтобы королева Хэ Сунь тоже была в моем Совете, – сказала я тихо. – Потому что ваш народ веками не имел права голоса на континенте. Я не буду заставлять вас присоединиться к империи. Вы не станете моими подданными. Но Сонгланду пора получить место за имперским столом.

Минь Цзя разглядывала меня некоторое время с непроницаемым выражением лица.

– Как благородно, – произнесла она медленно. – К сожалению, я давно перестала верить в благородство. В конце концов, это может оказаться очередной уловкой Кунлео. Хитростью, чтобы снова заполучить контроль над моим народом.

– У меня не будет власти над вашей матерью. – Я застенчиво кивнула на королеву Хэ Сунь, которая смотрела на меня отсутствующим взглядом. – И она может в этом убедиться. Если она присоединится к моему Совету, мы будем связаны телом и разумом. У нее будет доступ к моим мыслям. Моим мечтам. Я не смогу хранить от нее секреты.

Минь Цзя оценивающе на меня посмотрела. Затем повернулась, чтобы обсудить что-то шепотом с молодой женщиной, сидевшей рядом. Та была потрясающе хорошенькой – пышная фигура, которой могли позавидовать придворные дамы Олуона, румяные щеки и яркие карие глаза, подчеркнутые полупрозрачной маской с цветочным узором, скрывающей нижнюю половину ее лица. Взгляд Минь Цзя потеплел. Когда женщина взмахнула руками, я удивленно моргнула: ниже локтя широкие розовые рукава оказались пусты.

«Это Да Сео, – сообщила Ай Лин через Луч. – Возлюбленная наследной принцессы. Госпожа Да Сео предотвратила покушение на жизнь Минь Цзя несколько лет назад. Вот что случилось с ее руками. После этого Минь Цзя назвала Да Сео равной себе во всем, кроме титула. Королевский двор Сонгланда пытался надавить на нее, чтобы Минь Цзя оставила Да Сео и произвела на свет наследника с мужчиной. Но она отказалась. Теперь они всюду вместе».

Минь Цзя обратилась ко мне снова:

– Ваша мать, – сказала она, – когда-то манипулировала моим младшим братом. Ведьма, называвшая себя «Леди»,

обладала невообразимой властью над Ву Ином. Она даже заставила его отказаться от родной сестры, родной семьи. – Она поморщилась, словно имя моей матери отдавало горечью. – Но, как сейчас напомнила мне моя спутница, когда Ву Ин встретил вас, все изменилось. Он оставил Леди. Вернулся в Сонгланд. И после церемонии Перемирия Ву Ин начал слать письма, поручаясь за вас. Я игнорировала его сообщения, разумеется, – мой брат всегда плохо разбирался в людях. И все же... – Она хмыкнула. – Благодаря вам мой брат наконец дома. И хотя бы поэтому... Сонгланд даст вам шанс. Но у вас в голове, Маленькая Императрица, будет присутствовать не моя мать, – Минь Цзя мрачно улыбнулась, – а я.

Присутствующие в зале удивленно переглянулись. Минь Цзя мягко похлопала мать по руке: та сонно моргнула, повернувшись к ней. Минь Цзя продолжила говорить:

– Мы собирались подождать с объявлением. Но пора сказать им, *омма*.

Тяжело вздохнув, Хэ Сунь кивнула и сняла золотую заколку, украшавшую пучок ее волос. Она передала заколку Минь Цзя, и, под изумленное аханье остальных, принцесса закрепила украшение на своих волосах.

– Когда муж сделал меня регентом, я думала, что смогу быть той, в ком нуждается Сонгланд, – выдавила Хэ Сунь, собираясь с духом для этой короткой речи. – Но в последние несколько недель стало предельно ясно: Сонгланду не нужна на троне седая старуха. Ему нужна королева-воительница.

ца. Поэтому, перед свидетелями, собравшимися здесь, я отказываюсь от короны и передаю ее своей дочери Минь Цзя: наследнице, избранной моим покойным мужем.

Зал наполнился удивленным перешептыванием. Я хватала ртом воздух, как рыба.

«Мне это не нравится, – настороженно произнесла Ай Лин в моей голове. – Тар, ты не планировала помазывать Минь Цзя, и для абику неважно, состоит ли она в твоём Совете. Ещё не поздно. Ты можешь отказаться».

Минь Цзя встретила со мной взглядом. На мгновение я съежилась было... но вдруг увидела перед мысленным взором другое лицо. Маленькой Искупительницы Е Юн, хмурящейся с болезненной решимостью перед прыжком в Разлом Оруку.

«Для абику, может, и неважно, – сказала я Ай Лин наконец. – Но мне – важно».

Я медленно подняла кубок, обращаясь к Минь Цзя.

– За новую королеву Сонглана, – сказала я тихо, – которую я надеюсь вскоре назвать своей сестрой.

Минь Цзя настороженно подняла кубок вслед за мной безо всякого выражения на лице. Пораженный зал вежливо аплодировал. Затем она отрывисто спросила:

– Если я вступлю в твой Совет, должна ли я буду возлечь с тобой?

Если бы мне было позволено пить пальмовое вино, в этот момент я бы им подавилась.

– Возлечь... со мной? – Я ахнула. – Нет, конечно!

– Нет никаких «конечно» в этом вопросе, – заговорила другая правительница – Махарани Садика из Дирмы, королева с янтарной кожей, блестящей косой и украшением в носу. – Помазанники клянутся в верности своему Лучезарному, разве нет? Душой *и* телом. Но у некоторых из нас уже имеются супруги. Наложники. – Она показала на вереницу прелестных юношей, сидящих рядом с ней. – Должны ли мы отказаться от них ради вас?

– Нет. То есть... – Я запнулась. – Целибат – это традиция, да. Но я этого не потребую. И это совершенно необязательно для принятия Луча.

Сидевшие за столом люди немного расслабились. И вдруг пронзительным тенором кто-то заметил:

– А жаль!

Мое лицо вспыхнуло от удивления. По залу пронесся возмущенный шепот. Я раздраженно оглянулась и встретила взглядом с говорившим.

На меня смотрел Зури, король Джибанти.

На вид он был моим ровесником. Сидел, пьяно развалившись на подушке. Локоны длиной до пояса были завязаны в высокий хвост на затылке. В ухе блестело золотое кольцо, подчеркивая острую линию челюсти. Чувственные губы были словно сложены в вечном поцелуе.

– Я, к примеру, – пробормотал он неразборчиво, – с нетерпением ждал возможности позаботиться о личных потреб-

ностях нашей императрицы. В конце концов, закон требует, чтобы Лучезарные производили на свет наследников со своими Помазанниками. А мы должны подчиняться закону, госпожа императрица.

«Не обращай на него внимания, – сказала Ай Лин через Луч, закатив глаза. – Его смазливое лицо – единственное, что есть в нем интересного. Зури короновали всего год назад, и все свое время он проводит на охоте или играя в азартные игры. Настоящие правители Джибанти – это группа богатых торговцев. Зури – всего лишь марионетка. По крайней мере... так сообщают шпионы. Мне не удалось как следует пообщаться с ним напрямую: он – единственный правитель, на ком не сработал мой Дар убеждения. Каким-то образом ему удалось уклониться от прямых ответов на мои вопросы, так что я не знаю, что он о тебе думает. Впрочем, он ведь все равно пришел сегодня. Но я до сих пор не понимаю, почему не смогла на него повлиять».

«Может, он слишком пустоголовый, чтобы его можно было убедить», – ответила я, и по мысленной связи зазвенел смех Ай Лин.

Затем я обратилась к Зури из Джибанти:

– Традиции существуют, чтобы их нарушать.

На его красивом темном лице отобразилось удивление. Он рассмеялся. Этот низкий музыкальный звук разнесся по залу, мгновенно разрядив атмосферу и заражая весельем остальных гостей. Я инстинктивно улыбнулась, хотя что-то

в смехе Зури показалось мне странным. Он звучал довольно искренне... но как-то слегка неестественно, как будто его голос был песней, отточенной до совершенства, или тонко настроенным инструментом.

– Я не желал вас обидеть, Ваше Императорское Величество, – сказал Зури, сверкнув белоснежной улыбкой, от которой у меня – всего на мгновение! – перехватило дыхание. – Я с нетерпением жду возможности полюбить вас *всех*.

Он поднял свой кубок и залпом отпил вина.

Краем глаза я заметила, что, пока остальные гости опустошали кубок за кубком, у Зури он оставался полным. И все же он бесцеремонно развалился на подушке, объявив торжественно:

– За мир!

– За мир! – эхом отозвался зал.

Похоже, выходка Зури подняла всем настроение.

Цзи Хуань, маленький король Морейю, выпалил:

– Но у нас нет никаких особых способностей!

Он выглядел не старше тринадцати и тонул в своем красном шелковом одеянии, украшенном цветами.

– Помазанники должны быть Одаренными, разве нет?

– Я не буду требовать наличия Дара от моих Помазанников, – подмигнула я мальчику. – Я хочу, чтобы этот Совет... был другим. Он нужен не для защиты меня, но для защиты империи. Для того, чтобы связать себя узами доверия, которые выдержат нападение абику. – На шее у меня все еще ви-

сел янтарь, полученный на празднике Ну'ина. Он слегка нагрелся, когда я говорила эти слова. — Дело не только во мне — и не в любом из нас. Если мы создадим Совет, то не только спасем тысячи детей: мы создадим для Аритсара новое будущее! Никто не помнит, как слабы были наши королевства по отдельности, до объединения. Но если исторические свитки правдивы, вместе мы стали гораздо сильнее. Поэтому, прошу... помогите мне сохранить наше единство.

Гости замерли, потрясенные и задумчивые. В моем сердце вспыхнула надежда.

И вдруг кто-то холодно произнес:

— А если мы не сможем вас полюбить?

Синие глаза, обрамленные морщинками в уголках, смотрели на меня из-под пышных локонов цвета соломы. Королева Беатрис из Нонта обмахивалась двумя ажурными веерами — по всей видимости, она сильно волновалась.

— Ничего личного, — произнесла она неуверенно, — но ведь для принятия Луча мы должны полюбить вас, верно? Проблема в том, что мне гораздо проще уважать мужчин. Я не лажу с девушками. Женщины вместе... что ж. Вы и сами знаете, как это бывает. — Королева Беатрис обвела жестом стол, но веер ее остановился на мне. — Мы иррациональны. Часто поддаемся эмоциям. Я не могу представить, каково это — править империей с другой женщиной. Не говоря уже о том, чтобы делить с ней разум.

Я несколько раз глубоко вдохнула, уставившись на нее.

– Я... не понимаю, Ваше Величество. Я делила разум со своими сестрами годами. И я не могу представить, каково это – править *без* них.

Ай Лин и Кира состроили мне гримасы, многозначительно пошевелив бровями, когда Беатрис отвернулась. Я подавила смешок, и в голове зазвенел через Луч их смех.

Внезапно мне отчаянно захотелось, чтобы Майазатель, Эмерония и Тереза тоже были здесь. Нет: я хотела вернуться в Крепость Йоруа, где мы смеялись на солнечном пляже, кормя друг друга инжиром и заплетая друг другу волосы. Тогда нас не тревожило ничего, кроме нашей учебы и игр с загадками. У меня были лучшие сестры, о которых только можно мечтать.

Как я могу помазать кого-то вроде *Беатрис*?

Я со вздохом помолилась Сказителю о терпении и заставила себя улыбнуться.

– Любовь – сложная штука, – сказала я нонтской королеве. – Я лишь прошу, Ваше Величество, чтобы вы попытались.

– Но вдруг это невозможно? – продолжала Беатрис. – Вдруг это в принципе невозможно – полюбить вас?

Я сжала зубы. Однако, прежде чем я успела сказать что-нибудь, о чем пожалею, Дайо вдруг торжественно объявил:

– У меня есть теория.

Через Луч он добавил, обращаясь только ко мне: «*Я приготовил сюрприз*».

Волосы у меня на руках немедленно встали дыбом. Дайо был, конечно, добрая душа, но сюрпризы он выбирать не умел. На мой семнадцатый день рождения на прошлой неделе он подарил мне жемчужно-розового слоненка-альбиноса в качестве компенсации за то, что он годами пытался заставить меня забыть о Суоне.

«Он совсем как те слоны, рядом с которыми ты росла в саванне, – сказал он тогда радостно. – У слонов отличная память, это так подходит твоему Дару. Ох, Тар, вы станете с ним лучшими друзьями!»

С тех пор слоненок постоянно сбегал из своего загона возле Имперских апартаментов, объедался листьев кусо-кусо, пугал павлинов во дворе и врывался в бани, где брызгал грязью на визжащих знатных дам.

В последний раз, когда я о нем слышала, моего нового лучшего друга перевели в загон возле северного дворцового сада, где имперские сборщики апельсинов успели из-за него преждевременно поседеть.

Но прежде чем я успела расспросить Дайо подробнее о его сюрпризе, он уже обращался ко всему Имперскому Залу:

– Я много думал о том, почему Помазанники всегда так преданы друг другу, – сказал он. – Так близки. В этом нет смысла, если подумать, верно? Помазанники знакомятся, будучи детьми. Они клянутся в верности Лучезарному, а не друг другу. И все же за пятьсот лет существования Советов Помазанники никогда не предавали друг друга. Почему?

После паузы король Надрей из Бираслова осмелился предположить:

– Из-за лучевой тоски, конечно.

Усатый король плотнее завернулся в свой отороченный мехом плащ, который отказывался снимать, несмотря на олуонскую жару.

Король Усмаль из Кетцалы согласился, поглаживая свои серьги в виде нефритовых кристаллов:

– Любые соперники согласятся потерпеть компанию друг друга, если альтернатива – это сойти с ума.

– Не думаю, что дело в этом, – пробормотала Кира. – Вынужденное сотрудничество часто вызывает лишь ненависть.

– Ну, тогда это потому, что у Помазанников общая цель: защитить Лучезарного, – предположил вождь Урия, правитель кланов Благословенной Долины. – Как в Благословенной Долине: у нас много племен, но мы работаем сообща, чтобы сохранить наш образ жизни.

– Но Благословенных кочевников связывает не только общая цель, – ответил Дайо. – У вас есть традиции. Религия, история. Помазанники же происходят из разных королевств, часто с противоречащими культурой и ценностями. Так почему же они любят друг друга?

За столом воцарилось молчание. Дайо радостно перекатился с пятки на носок.

– Это из-за Луча, – объявил он. – То есть благодаря разговорам через Луч. Когда чьи-то мысли и желания чувствуют-

ся, как твои собственные. Если один человек понимает другого полностью – от глубокой боли до фривольных мыслей, неважно, насколько странных или пугающих, – то он просто не может не полюбить его. Я думаю... – Дайо улыбнулся мне и пожал плечами, отчего его шрам слегка сморщился. – Когда ты воспринимаешь чью-то историю как свою собственную, это все равно что любить самого себя. Тарисай пока не может говорить с вами через Луч. Но она может кое-что похожее. Она способна поделиться с вами своими воспоминаниями. Сразу всеми.

Кровь застыла у меня в жилах.

– Вряд ли это займет дольше нескольких недель на человека, – продолжал Дайо радостно. – Ее воспоминания работают как сны, часы проходят за секунды, и...

«Ты совсем из ума выжил?!» – закричала я на него мысленно.

– ...И, хотя это может показаться странным, когда вы узнаете Тар лучше... – он широко улыбнулся, – вы не сможете ее не полюбить.

«Дайо, ты сведешь меня в могилу! Как я могу показать этим людям свои воспоминания? Они и так уже меня ненавидят!»

Он растерянно моргнул, чувствуя мою тревогу.

«Но это единственный способ. Они не смогут полюбить тебя, пока ты не откроешься им хоть немного».

«Откроешься»? Я начала задыхаться. «Открыться немно-

го»?

«Дайо, это тебе не делиться секретами спьяну в кругу друзей! Это моя жизнь! Вся моя жизнь! Во имя Ама, я ведь пыталась убить тебя!»

«Они поймут, почему ты это сделала, – возразил он. – Они почувствуют твою любовь к матери. Твою любовь ко мне. Тар... воспоминания расскажут твою историю даже лучше, чем ты сама».

Мое горло сжалось от ужаса. «Я не переживу это», – подумала я оцепенело, и Ай Лин взяла меня за руку.

«Дайо, – сказала она через Луч. – Тебе стоило сначала спросить Тар. Объявлять вот так – нечестно по отношению к ней. Если она согласится, то уже не сможет отступить».

Дайо виновато сгорбился, вертя в пальцах маску на своей груди.

«Ты права. Прости, Тар. Я просто хотел помочь. – Он помедлил. – Но тебе необязательно им нравиться, чтобы они тебя полюбили. Им достаточно просто тебя понять».

Пока я обдумывала это, Ай Лин сказала вслух:

– Я полагаю, пора провести опрос.

Она просигналила слугам, чтобы те вручили орехи кола каждому правителю, а затем подняла пустую миску.

– Если вы принимаете приглашение императора и императрицы остаться в Ан-Илайобе и обеспечить Аритсару лучшее будущее, – сказала Ай Лин, – то положите орех в эту

миску. Или же, если вы предпочитаете будущее с бесконечными жертвоприношениями, навсегда разрушенной торговлей и еще одной Войной Двенадцати Армий против демонов Подземного мира... то оставьте орех себе.

По залу словно прошелся холодок. Но, как я видела со смесью ужаса и облегчения, один за другим орехи падали в миску.

«Принимаю». «Принимаю». «Принимаю».

Со стороны Минь Цзя, Урии, Гелиоса, Садики, Цзи Хуаня, Надрея, Эдвинна из Мью, Данаи, Кваси из Ниамбы и Усмаля согласие было неохотным. Зури бросил свой орех в миску демонстративно широким жестом, подмигнув мне. Даже Беатрис согласилась, хотя и надменно повела плечами.

Мой званый ужин оказался успешным. Но ладони все равно вспотели, и я оцепенела от страха. Я, конечно, обещала войти в Подземный мир... однако даже это пугало меня не так сильно, как обещание, которым связал меня Дайо: показать мои самые постыдные воспоминания двенадцати незнакомцам.

Глава 7

Будь моя воля, вечер бы на этом закончился, чтобы я могла сбежать от этих незнакомцев к своим братьям и сестрам, которые утешат меня сладостями и поцелуями, историями и вином. Вместо этого Ай Лин встала и приказала отодвинуть столы, а придворным музыкантам жестом велела играть... Так началась неофициальная часть моего Вечера Мира.

«Ты ведь знаешь, что это – украшения для танцев? – спросил Дайо, кивая на связки трав у меня на ногах с лукавой улыбкой. – Гости ждут, что мы с тобой проведем первый танец».

«Я буду танцевать перед этими людьми, – ответила я сухо, – когда в Благословенной Долине выпадет снег».

Все при дворе знали, что я не танцую. Большинство девушек в центральных королевствах – Олуоне, Джибанти, Ниамбе и Суоне – росли под праздничные ритмы барабанов, благодаря чему учились прыгать и изгибаться, еще будучи младенцами, привязанными к спинам матерей. Но мой мир составляла усадьба Бекина: пыльные свитки, гладкие стены и окна, заколоченные так плотно, что музыка снаружи не просачивалась сквозь доски.

«Да брось, Тар, – упрекнула меня Кира, уже взявшая под руку сонгландского дипломата. – Сегодня ты вошла в историю. Расслабься немного».

Ай Лин поспешила спасти меня, заняв место рядом с Дайо:

– Императрица восстанавливается после небольшой травмы, – объявила она залу, добавляя словам веса с помощью своего Дара убеждения. – Она не присоединится сегодня к танцам, но передает свои искренние сожаления.

Я спокойно поклонилась гостям, благодарно улыбнулась Ай Лин и стала наблюдать за торжеством со своего трона, стоявшего на платформе.

Традиционные олуонские танцы исполнялись группой или индивидуально – никогда в парах, как было принято у далеких северных королевств. Однако с ростом империи среди придворных Олуона стал популярен танец *иджо агбайе* – танец, сочетающий элементы со всей империи, включая индивидуальных партнеров.

Я поморщилась, когда танцующие заняли свои позиции. Мои названные братья и сестры до сих пор дразнили меня по поводу иджо агбайе – это было единственное испытание, которое я не могла пройти, будучи кандидатом в Детском Дворце.

«Просто дайте мне логическую задачу, – умоляла двенадцатилетняя я в Зале Снов, вспыхнув от стыда после пятого подряд столкновения с партнером по танцу. – Я согласна обезглавливать тренировочных манекенов. Выучить каждый закон в Имперской Библиотеке. Только не заставляйте меня снова танцевать!»

И все же, пока я наблюдала, как пары кружатся по Имперскому Залу, мои ноги зудели от желания к ним присоединиться.

Ай Лин и Дайо вели иджо агбайе, как два светлячка: сперва они танцевали, не касаясь друг друга, в олуонском стиле – вытянутые руки и покачивающиеся бедра. Потом они стали танцевать вместе: Ай Лин положила руки на плечи Дайо, и он поднял ее за талию, чтобы покружить в воздухе. Она рассмеялась, запрокинув голову. Рукава ее ханьфу развевались в воздухе, как бледно-персиковые ленты, а фиолетовая агбада Дайо подметала пол. Ее волосы ниспадали до пояса. Пучок на макушке сверкал жемчужными цветами и украшениями из бусин: она звенела у Дайо в руках.

Я бездумно двинула бедрами, заражаясь ритмом музыки. На мгновение мне захотелось чудесным образом восстановиться от своей «травмы» и присоединиться к танцующим внизу, растворившись в море цвета и звука.

«Но как ты можешь праздновать?»

Я подпрыгнула от неожиданности. Оглядела платформу. Символы на моих руках болезненно вспыхнули. Шелестящий голос прозвучал у самого уха... но никого рядом не было. Затем я разглядела его: едва видимый в ярком свете зала, неподалеку стоял ребенок. Искупитель, как тот, который убил Таддаса. Разложение изменило его черты до неузнаваемости: я не могла определить даже пол этого ребенка.

– Вы в порядке, Ваше Императорское Величество? – спро-

сила служанка у ступеней моей платформы.

Она явно была обеспокоена моим состоянием и приблизилась, чтобы предложить кубок с вином, хотя знала, что традиции запрещают мне пить. Я поднялась с трона и все равно схватила кубок, напряженная, как загнанный заяц.

– Ты его не видишь? – прошипела я.

Служанка открыла рот. Закрыла его.

– Я... – Она проследила за моим взглядом и спросила осторожно: – Что мне следует увидеть, Ваше Императорское Величество?

Пары вокруг нас продолжали танцевать. И меня вдруг накрыло пугающее осознание: никто не видит этого ребенка. Никто, кроме меня.

Я села обратно.

«Ты не настоящий, – подумала я, обращаясь к ребенку и пытаясь дышать ровно. – Мальчик, убивший Таддаса, был настоящим, но не ты. Я больна. После праздника я попрошу Киру спеть, и она исцелит меня. Ты исчезнешь».

Видение наклонило голову, словно я говорила вслух.

«Меня действительно здесь нет, – сказало оно терпеливо и равнодушно. – Я сейчас с другими. Но я настоящий. Ты не ответила на мой вопрос: как ты можешь праздновать?»

«Прекрати! – подумала я, снова и снова встряхивая головой, чтобы прогнать видение. – Прекрати. Ты не настоящий».

«Как ты можешь праздновать? – повторило создание,

подплывая ближе. — Как можешь ты пить вино и устраивать званые вечера, когда так много несчастных детей отдали свои жизни? Искушители, которых убила твоя империя, никогда уже не смогут петь или танцевать. Разве тебе все равно?»

Внезапно все веселье, весь яркий ураган света и музыки поблек в моих глазах. Меня накрыло ошеломляющее чувство вины.

— Мне жаль, — выдохнула я. — Я... я знаю, наша империя совершала ошибки. Я пытаюсь исправить это. Вот почему я хочу помазать Минь Цзя. Вот для чего этот вечер.

Создание вновь наклонило голову. На мгновение я ощутила исходящий от него холод: по шее и рукам у меня побежали мурашки. Голос создания взревел в моей голове:

«НЕДОСТАТОЧНО! — сказала оно. — Этого недостаточно!»

И я снова оказалась одна, как будто никакого ребенка и не было вовсе. Я подняла кубок к губам дрожащими руками и сделала несколько глотков.

— Эм... еще вина, Ваше Величество? — пискнула служанка.

Я едва не подскочила, успев забыть о том, что кто-то рядом. Служанка побледнела, и я вдруг поняла: она слышала, как я говорю сама с собой. Вздохнув, я потеряла переносицу. Что ж, при дворе меня и так уже считают ведьмой — невелика разница, если теперь меня будут считать еще и безумной.

— Нет, — сказала я наконец. — Думаю, мне... лучше поуме-

рить пыл сегодня.

Я поклялась себе, что поговорю с Кирой сразу же после окончания вечера. Она споет мне, исцелит мое безумие, и все вернется в норму. До тех пор мне нужно только пережить эту ночь.

Между исполнениями иджо агбайе правители королевств и их сопровождающие исполняли национальные танцы в мою честь. Некоторые инструменты и костюмы я никогда раньше не видела. Надрей и его бирасловские помощники кружились в ярких шерстяных одеждах дервишей; придворные Цзи Хуаня изображали пантомиму в морейоских масках с развевающимися лентами; даже Беатрис танцевала, вышагивая с сопровождающими ее дамами в нонтской последовательности поз под названием «павана». С каждой демонстрацией шелка, золота и драгоценных украшений я вспоминала слова Майазатель.

Как много этих сокровищ происходило из шахт и лесопилок, которыми мы с Дайо владеем?

Насколько именно я богата?

В высокие окна зала светила луна. На лбах уставших гостей блеснул пот, когда они садились на свои подушки, обмахиваясь веерами и утоляя жажду манговой водой. Но прежде чем ночь завершилась, из-за стола выступил король Зури из Джибанги.

За ним стоял отряд джибантийских воинов: грудь у каждого была раскрашена в красные, желтые и белые узоры. На

ноге у каждого имелась погремушка, набитая семенами, и они отбивали ритм, стуча по полу яркими деревянными шестами. Воины пели в унисон, пока Зури поднимался к моему трону. Он поклонился: длинные волосы скользнули по его точеным темным плечам, касаясь концами складок красной туники.

– Моя императрица, – объявил он, – для этого танца потребуется партнер.

– Жаль это слышать. – Я холодно улыбнулась. – Потому что ваша императрица не танцует.

Зури моргнул, изображая искреннюю растерянность:

– Но от вас не потребуется танцевать, Ваше Императорское Величество. Клянусь честью воина. Все, чего я прошу, – добавил он своим хорошо поставленным тенором, – это вашего полного внимания.

Затем он протянул руку. Чуть выше локтя у него блестел золотой наруч, плотно обхватывающий кожу. Это было популярное украшение для состоятельных юношей – даже не знаю, почему меня вдруг пробрала дрожь. Отчего-то мне вспомнился Мелу в саванне, связанный чужой волей. И все же, под любопытными взглядами сотни гостей... я протянула Зури руку в ответ.

Его ладонь оказалась на удивление мозолистой для человека, проводившего все свое свободное время в праздных удовольствиях.

– Считайте это игрой, – сказал он мне, пока мы спускались

с платформы.

Воины продолжали стучать шестами об пол: ритм ускорялся.

– Следите за мной – и победите. Потеряете меня из виду дольше чем на семь ударов – проиграете. В качестве приза вы сможете задать мне один вопрос. Любой на ваш выбор.

Он отступил, и я слишком поздно поняла, что воины успели нас окружить. Прежде чем исчезнуть за пределами круга, оставив меня внутри, он подмигнул:

– Мой приз, разумеется, такой же.

Я возразила:

– Но если я не захочу отвечать на твой...

Воины заглушили мой вопрос. Они запели звучными голосами, весело мне улыбаясь.

Видишь ли ты его, дева?

(Умна ли она?)

Слышишь ты его, дева?

(Красива ль она?)

Птица ведет тебя к меду – выпьешь до дна?

Если найдешь его,

(Губы ее полны ли?)

Если поймаешь его,

(Бедра ее широки ли?)

Красавица-дева, надеюсь, ты голодна!

По залу разнеслись хихиканье и шепот. Мое лицо вспых-

нуло.

Ритуал ухаживания. Зури – этот пустоголовый нахал – втянул меня в *ритуал ухаживания*.

Я прищурилась, глядя на него, полная решимости победить – пусть даже только для того, чтобы потребовать ответить за свою наглость. Он начал танцевать: я видела только его макушку – он гибкой тенью скользил за спинами воинов. Воины двигались в противоположном направлении, чтобы еще больше меня запутать. Зури танцевал резко меняя направление, и мне приходилось делать то же самое.

Я запоздало поняла: он менял направление точно в такт музыке, заставляя меня двигаться под ритм. Ракушки каури скользили по моей коже. Я вытерла ладонью вспотевший лоб, невольно улыбнувшись.

– Хитрый ход, – выдохнула я.

Он все-таки заставил меня танцевать.

Темп все набирал обороты, пока у меня не закружилась голова. Наконец я потеряла Зури из виду. Я отчаянно закружилась, но удары шестами продолжались – пять, шесть, семь, – и вот игра уже закончена. Зури вошел в круг, улыбаясь от уха до уха. Жилистая грудь блестела от пота. Воины сомкнулись за его спиной снова.

Я нахмурилась, скрестив руки на груди... но, не успевшая понять, что происходит, как Зури поднял меня за талию, точно как Дайо недавно поднимал Ай Лин в иджо агбайе. Я ахнула, схватившись за его плечи. Грациозно меня покру-

жив, он опустил меня на пол и наклонился к моему уху.

Мое дыхание участилось.

Он пах резко и сладко одновременно, как полировка для копий в сочетании с маслом агавы. Его губы коснулись моей щеки. И на мгновение мне почему-то вдруг почти – почти! – захотелось, чтобы вместо этого он нашел мои губы.

Голосом холодным, как шелк, он спросил:

– Кто убил Таддаса из Мью?

Я отшатнулась, как будто он меня ударил.

Кажется, он тут же пожалел о сказанном.

– Прости меня, Тарисай. Я не хотел...

Я вырвалась у него из рук. Зал поплыл перед глазами. Грозные обсидиановые статуи смазались в одно большое черное пятно, и я вдруг снова оказалась в том пустом коридоре: кровь Таддаса растекалась по плитам, мальчик говорил что-то, давясь словами, которые я не понимала, а потом он обратился в пыль, и Таддас был мертв, и все это – из-за меня, и...

Имперский Зал вернулся. Зури бросился вперед, подхватив меня, не дав упасть.

– Я идиот, – выдохнул он, мягко удержав меня за пояс. Шелк исчез из его голоса. – Это была безвкусная шутка. Прости меня, Тарисай.

– Для тебя – *«Ваше Императорское Величество»!* – Ай Лин ударила его по рукам, чтобы он убрал их с моей талии. Они с Дайо и отрядом гвардейцев стояли рядом. – Или «гос-

пожа императрица». В этом порядке. Вам, король Зури, не помешало бы соблюдать протокол!

– Он отравил ее? – спросил Дайо встревоженно. – Тар, ты в порядке?

– Общайте короля Джибанти на предмет скрытого оружия, – потребовала Ай Лин.

Я пыталась возразить, но образ мертвого Таддаса все еще слишком живо стоял перед глазами. Слова застревали у меня внутри как ножи.

Джибантийские воины запротестовали, вынули из ножен оружие, но Зури приказал им успокоиться.

– Я не хотел ее оскорбить. – Юный король поднял руки, показывая, что сдается.

Затем он бросил на меня виноватый взгляд... И на его лицо, только что серьезное, вернулось фирменное выражение преувеличенного веселья.

– Мой юмор шокирует нашу хрупкую повелительницу, – объявил он пьяно. – Позвольте мне загладить вину. Я отказываюсь от своей награды. Ваше Императорское Величество, – он демонстративно мне поклонился, – спрашивайте у меня, что вам угодно.

Я вжала голову в плечи. Потом вспомнила слова Ай Лин: *«Никто из вассальных правителей не воспринимает тебя всерьез. Для них ты – всего лишь маленькая девочка. Люди не могут любить того, кого не уважают».*

Я сжала кулаки. Когда я заговорила снова, маска львицы у

меня на шее слегка нагрелась. Я представила зверя, затаившегося в высокой траве и готовящегося к прыжку, и заставила свой голос звучать столь же спокойно. Столь же смертоносно.

– У меня нет вопросов к королю Зури из Джибанти. – Говоря это, я не смотрела на него: я поднималась к эхо-камню на платформе, чтобы обратиться оттуда ко всему залу: – Вечер Мира окончен. Ваша императрица желает вам спокойной ночи.

Я развернулась на пятках, готовясь покинуть зал. Гости резко побледнели, когда облако спрайтов спустилось с потолка, выстроившись за мной в пылающий шлейф света.

Но прежде чем я успела уйти, Дайо схватил меня за руку. *«Это не должно закончиться вот так, – сказал он через Луч. – Сегодняшний вечер должен нести весть о мире. Пожалуйста, Тарисай. Позволь мне это исправить».*

Затем, к моему удивлению, Дайо снова повернулся к гостям. Его голос, разносимый по залу эхо-камнем, был нехарактерно серьезным.

– Я – император Аритсара, – начал он, – как Тарисай – ваша императрица. Однако я также являюсь королем Олуона, и этот титул императрица не может со мной разделить, поскольку представляет Суону в моем Совете. А значит, Тарисай, являясь правительницей всего Аритсара, не правит никаким отдельным королевством.

Я подняла бровь.

«Куда ты клонишь?»

Он подмигнул мне.

– Тарисай обещала абику, что создаст Совет из двенадцати аритских правителей каждого королевства. Включая Олу-он. А потому я с гордостью займу первое место в Совете императрицы-Искупительницы.

Игнорируя потрясенные ахи и вздохи, Дайо вынул из-под одежды золотую цепочку с пеликаньим маслом, висевшую у него на шее. Это было то самое масло, которым он помазал меня так давно, еще в Детском Дворце. Он открыл флакон и протянул его мне:

– Я уже люблю императрицу, – объявил он, по-мальчишески улыбаясь, – так что мне не требуется времени на раздумья. Тарисай из Суоны, примешь ли ты меня в свой Совет?

По залу разнесся шепот. Я неохотно взяла у Дайо флакон, глядя на него в замешательстве.

«Я только что поняла, – сказала я через Луч. – Если я помажу тебя и Минь Цзя, у меня будет Совет из тринадцати. Как это возможно? Лучезарные получают по одной неуязвимости за каждого помазанного. Есть только двенадцать смертей, помимо старости, а к ней неуязвимым не может быть никто».

Дайо усмехнулся.

«Может, ты станешь бессмертной».

«Не шути так! – Меня охватил ужас. – Если и есть работа, которую я не хотела бы делать вечно, то это она».

В ответ он наклонился и поцеловал меня в щеку, посылая мне мысленно тепло своей поддержки.

«Видимо, мы выясним это на практике».

Мое сердце заколотилось. Но когда он начал преклонять колени, я остановила его.

«Лучше стой», – попросила я.

«Почему?»

Я закусила губу. Одна из причин заключалась в том, что каждый представитель знати в этом зале и так уже подозревал, что я – ведьма-узурпатор, управляющая Дайо, как опытный кукловод.

Но другая причина – та, которую я ему назвала, – была более важной:

«Потому что время преклоненных колен прошло. Изначально Лучезарные должны были править как равные, Дайо. Пора нам встать плечом к плечу».

Он кивнул, просияв.

Теперь я засомневалась. Что, во имя Ама, я должна сказать? Традиционная фраза звучала так: *«Станешь ли ты луной к утренней звезде...»* – но это казалось неправильным в данном случае. Я ждала, призывая того теплого, таинственного духа из пещеры на горе Сагимсан, чтобы правильные слова нашли меня сами. Закрыв глаза, я словно воспарила над своим телом, глядя на происходящее сверху. А потом я была повсюду и сразу, объятая бесформенным Кем-то, кого я встретила лишь однажды.

Когда я заговорила, мой голос не принадлежал мне, хотя я и ощущала себя собой больше, чем когда-либо. Внешняя сила позаимствовала мои легкие, наполняя зал трехголосой гармонией с эхо-камня:

– На небе больше звезд, чем душа может насчитать, – произнесла эта сила. – Каждая – ярче и горячее предыдущей. И все же для всех них в небе хватает места. Так скажи, Экундайо из Олуона: будешь ли ты сиять рядом с Тарисай из Суоны? Готов ли ты занять место в ее Совете?

Если Дайо и боялся захватившего меня духа, то не подал виду. Вместо этого он лишь спокойно улыбнулся: в глазах у него стояли слезы счастья.

– Да, – сказал он. – Я готов.

Тогда дух засиял, окутав нас обоих волной древней радости – и пропал. Я осталась на платформе, уже снова будучи собой – обычной трепещущей смертной.

Половина гостей в зале пали ниц. Остальные стояли на коленях, осеняя себя знаком Сказителя.

«Спасибо», – подумала я.

В ответ раздался низкий гул, сотрясший платформу. Звук походил на смешок... или на гортанный крик пеликана.

– Ну, – спросил Дайо, – разве ты не собираешься предложить мне Луч?

Я выпрямилась и сосредоточилась. Лучом Дайо я пользовалась постоянно, заглядывая в мысли своих названных братьев и сестер. Это было легко – словно плыть по течению

реки. Но на этот раз рекой буду я, а Дайо попытается присоединить свой поток к моему.

Я сконцентрировалась на жаре в груди, позволяя ему осесть в янтаре на шее. *Сосредоточься.* В основании шеи возникло приятное тепло, потянувшееся к моему разуму.

– Экундайо из Олуона, – прошептала я, – прими свое помазание.

Затем я соединила тонкие ручейки тепла в один-единственный луч и направила его на Дайо. Тот сделал резкий вдох, как будто его пронзили кинжалом... а потом сразу ослабился.

«Ну, – рассмеялся он у меня в голове, – *это было легко*».

Я чуть не подпрыгнула. Его голос теперь резонировал у меня в костях, громче, чем когда-либо. Он казался... раздвоенным. Слово он говорил сразу двумя наборами голосовых связок – и второй звучал до странного по-женски.

«*Ты говоришь моим голосом*», – сообщила я ему, округлив глаза.

Теперь он тоже выглядел удивленным.

«А ты – моим!» – сказал он. – *Видимо, так случается, если в теле сосуществуют два Луча. Это... беспокоит тебя?*»

«Нет, – ответила я после паузы. – *Кажется, это... приятно*».

Я вздрогнула от удовольствия, слыша свой новый голос.

«*Очень приятно*».

«*Мне тоже*».

Я зачарованно наблюдала, как синие узоры на моих руках растут и распространяются по груди. Моя карта Искупительницы становилась больше. Когда я помажу полноценный Совет, вероятно, вся моя кожа будет покрыта татуировками.

Гости в зале ахнули в почтительном ужасе. Ай Лин решила взять происходящее под контроль, хлопнув в ладоши:

– Да здравствует Экундайо, – объявила она, поднимая кубок и улыбаясь нам обоим. – Первый Помазанник императрицы-Искупительницы! За мир во всем Аритсаре!

Зал разразился аплодисментами, сперва растерянными, потом – почти с маниакальным энтузиазмом. Многие поднимали кубки в согласии с тостом. Музыканты заиграли торжественную мелодию, и мои спрайты пульсировали под ритм. По сигналу Ай Лин слуги начали бросать с балконов лепестки цветов и кусочки сверкающей ткани – финал нашего представления.

Дайо поднял меня в воздух, закружив в объятиях. Я невольно рассмеялась: от счастья у меня словно выросли крылья. Потом Дайо поставил меня обратно...

...И зал исчез.

Или скорее исчезли все люди в нем. Я стояла в просторной и тихой комнате: вместо гостей торжества меня окружали дети с пустыми лицами. Две тысячи чумазных тел, пахнущих смертью, смотрели на меня ничего не выражающим взглядом.

Сердце испуганно заколотилось.

– Что вы такое? – просипела я, царапая свои руки: узоры Искупительницы жгли кожу, как море огненных муравьев. – Откуда вы пришли? *Чего вы хотите?*

Дети смотрели на меня все так же равнодушно. И через несколько мгновений заговорили монотонным хором:

«Мы требуем справедливости – никому нет дела – должна была спасти нас – мертвы, все мертвы – почему тебе все равно? – недостаточно – ты делаешь недостаточно – заплати за наши жизни – справедливость – должна заплатить...»

Я закрыла уши, но тщетно. Узоры на руках светились, угрожая расплавить кожу до костей.

– Чего вы хотите? – прокричала я снова. – Ради Ама, *просто скажите, что вам нужно!*

Они снова замолчали. Затем тысячи грязных пальцев синхронно указали на меня, и дети вновь заговорили одновременно:

«Искупительница. Искупительница. Императрица-Искупительница».

Я вернулась в Имперский Зал: Дайо все еще держал меня в руках. В ушах звенела радостная музыка. Меня прошиб холодный пот.

– Тар? – Дайо взгляделся мне в лицо – его улыбку сменило беспокойство. – Ты как будто была где-то не здесь. Все в порядке?

Я взглянула на него, цепenea от ужаса. Он не видел их.

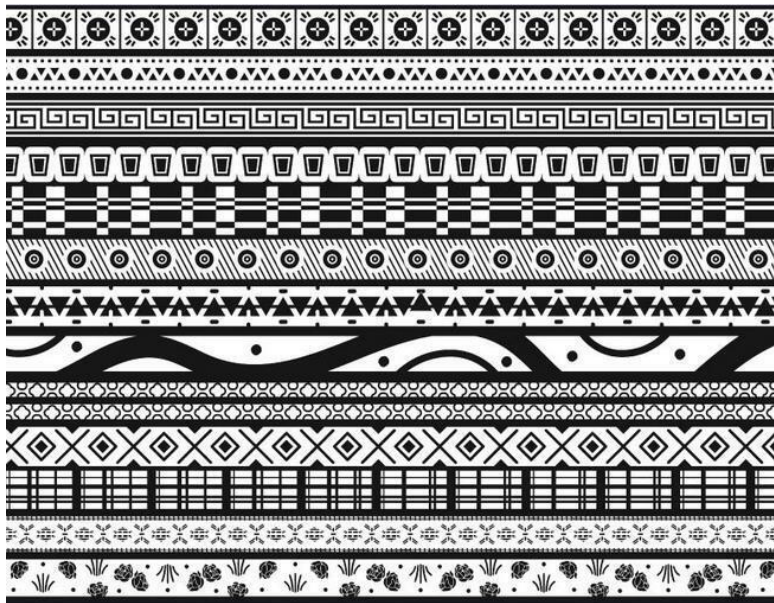
Никто не видел этих детей, кроме меня.

– Конечно, – сказала я, почувствовав, как пересохло в горле, и выдавила слабую улыбку.

Дайо поднял наши сцепленные руки в знак триумфа. Лестки падали с потолка – каскад алого и белого. Толпа взредела:

– *Да здравствует император! Да здравствует императрица-Искупительница!*

Часть II

Глава 8

Когда мы с Дайо, Ай Лин и Кирой вернулись в Имперские апартаменты, эхо разговоров через Луч в коридорах уже смолкло. Наши названные братья и сестры спали, устроившись рядом в общей гостиной. Они храпели и бормотали

что-то сквозь сон, держа в руках пустые кубки из-под вина и наполовину съеденные миски *фифу*. Похоже, они пытались нас дожждаться. Сердце переполнила нежность: моя пестрая семейка расслабленно лежала на диванах и коврах, дыша в унисон. Я коснулась кончиками пальцев каждой головы, посылая всем сны. Хотя я скучала по ним весь вечер, мне было легче от того, что они уже спят.

Если бы они бодрствовали, мне пришлось бы рассказать им, что я схожу с ума.

Скоро они и сами узнают, когда до них дойдут дворцовые сплетни. Служанка видела, как я разговариваю с воздухом, и весь двор был свидетелем того, как моим телом завладел божественный дух. Более религиозная часть населения Ан-Илайобы, возможно, теперь проникнется ко мне почтением, но здравый рассудок и близость с богами обычно не идут рука об руку. Я хотела, чтобы Аритсар воспринимал меня всерьез в качестве императрицы, а не заточал в позолоченный храм, как сумасшедшего оракула.

Но об этом я решила подумать завтра. Пожелав спокойной ночи Дайо, Ай Лин и Кире, я заметила, что одного человека в общей куче спящих тел не хватает.

«*Джит?* – спросила я мысленно, сканируя Лучом соседние помещения. – *Где ты?*»

Ответом мне послужило шевеление разбуженного разума. Я ощутила волну виноватого тепла.

«*Здесь. Прости, я хотел тебя дожждаться.*»

Я последовала за голосом. Санджит нашелся в моей спальне: он сидел на помосте, где располагалась моя циновка. Эта спальня, поспешно добавленная к Имперским апартаментам после моего становления императрицей, все еще ощущалась чужой, несмотря на расписные стены и высокий стеклянный купол потолка, позволяющий мне следить за спреями в небе. Санджит выглядел сонным в тусклом свете ламп. Когда я вошла, он встал, протягивая мне поднос с блюдами – рагу и жареные бананы, уже остывшие, но все еще соблазнительно пахнущие специями.

– Припас с ужина, – пробормотал он, зевая. – Я знаю, что вам с Дайо на этих праздниках не позволено есть.

– Так бы и расцеловала тебя! – простонала я, оседая на софу и вдыхая аромат еды с искренней благодарностью.

Санджит усмехнулся и сел рядом. Задумчиво оглядел мой наряд, особенно верх из ракушек каури.

– Итак, – начал он непринужденным тоном, – полагаю, правители континента поклялись тебе в верности с первого же взгляда?

Хмыкнув, я вытерла руки от жира после жареных бананов, совершенно не чувствуя себя соблазнительной. Мой сложный макияж и золотая пудра на плечах успели смазаться и поблекнуть во время пира, ожерелье из ракушек спуталось, а одежда измялась... но Санджит все равно смотрел на меня с явным восхищением.

– Едва ли, – сказала я. – Но, по крайней мере, они плани-

ругают остаться на какое-то время. Дайо фактически предложил им мою голову на блюде. – Он испуганно отшатнулся, так что я поспешила пояснить: – Я должна показать им все мои воспоминания. Даже самые плохие. Не спрашивай – это якобы должно заставить их полюбить меня или что-то вроде того. – Я уставилась на свои окольцованные пальцы. – Не очень хочу об этом говорить.

Я решила пока не думать о состоянии своего рассудка. Так казалось проще, пока призрачные мертвые дети поджидали меня в темных углах.

Санджит не стал расспрашивать. Вместо этого он слегка коснулся ногой моей лодыжки – там, где крошечные колокольчики звенели на золотой цепочке. Браслет его матери с ракушкой каури сверкал на моей ноге.

– Знаешь, – сказал он, лукаво блеснув глазами чайного цвета, – ама была бы разочарована, если бы ты никогда в этом не танцевала.

Мои щеки вспыхнули. Я поспешно отогнала от себя образ самодовольного, ненавистного лица джибантийца, танцевавшего со мной на пиру.

– Сомневаюсь. Мое чувство ритма оскорбило бы память твоей матери.

Он покачал головой.

– Ты бы ей понравилась.

Снаружи комнаты забили в свои барабаны гвардейцы, обозначая поздний час. Санджит встал, потирая шею, и

взглянул на дверь:

– Наверное, нам пора ложиться.

– Наверное. – Я накрутила на палец прядь волос. – Где мы будем сегодня? Остальные уснули в общей гостиной.

Со всеми этими событиями у нас не было возможности побыть наедине после моего возвращения с горы Сагимсан. У Санджита, разумеется, тоже имелась своя спальня, но нас слишком часто атаковали проявлениями привязанности наши любвеобильные братья и сестры, чтобы у нас было время друг друга искать.

– Я еще не решил, – ответил Санджит, бросив в мою сторону застенчивый взгляд. – Хочешь побыть одна?

Я подумала о детях с мертвыми глазами, прячущихся в темноте. Подавила дрожь, заставив себя усмехнуться.

– Нет, – выдавила я. – Я бы предпочла, чтобы ты остался.

Он кивнул без единого слова. Я встала, чтобы раздеться. Моя комната походила на лабиринт из сундуков, подушек и позолоченных столиков, покрытых баночками с мазями и кремами, функции которых я так и не запомнила. Сверкающий мир Ан-Илайобы представлял собой резкий контраст по сравнению с босоногой простотой Крепости Йоруа и военными порядками Детского Дворца. Я стала рыться в узорчатых сундуках, чихая от саше с миррой и янтарем. Наконец я нашла льняную ночную сорочку с вышитым вдоль воротника узором из солнц.

Санджит, уже переодевшийся в тунику с низким вырезом

и штаны для сна, с преувеличенным вниманием разглядывал свои сандалии.

Только сейчас я вдруг осознала, как мало на мне надето... и как трудно будет снять это ожерелье из ракушек. Оно едва прикрывало мне грудь, застегнутое в двух местах: на шее сзади и в недостижимом месте в центре спины.

— Гм, — сказала я. — Не мог бы ты помочь?

Я не подняла взгляда: только слышала его приближающиеся шаги. Мозолистые пальцы скользнули по моей спине, ослабляя ожерелье. Вдоль позвоночника у меня пробежала толпа мурашек. Я замерла: его дыхание согревало мне шею.

Он расстегнул вторую застежку. Ожерелье упало мне в руки, и мгновение мы оба стояли неподвижно. Я ощущала жар его кожи.

Я отстранилась, чтобы снять юбку и натянуть ночную сорочку. Подол сорочки касался моих лодыжек, наконец полностью меня укрыв — хотя ощущение мягкого льна на бедрах почему-то заставило меня чувствовать себя еще более обнаженной.

Дрожащими руками я ополоснула лицо розовой водой и завернула волосы в платок для сна. Санджит освежился в моей лохани и небрежно причесал пальцами свои кудри, с которых капала вода.

Масляные лампы почти догорели: в воздух поднимались струйки ароматного дыма. Открытая арка вела на балкон, откуда доносилось стрекотание цикад в ночи.

– Что ж, – сказала я, – нам стоит поспать.

– Верно, – отозвался он.

– Завтра тяжелый день. Боевые тренировки. Заседания в суде.

– Все расписано по часам, – согласился он.

А затем я обвила его руками. Его губы коснулись моей шеи, ключицы, мочки уха – каждой части меня, способной петь и трепетать. Когда я стянула с него рубашку, кожу стало слегка покалывать: Санджит использовал свой Дар, отслеживая удовольствие в моем теле и находя слабые места.

– Это нечестно, – пробормотала я.

– Как и это ожерелье, – ответил он низким, глубоким голосом.

Он подхватил меня на руки. Я слышала биение его сердца напротив моего, громкое и лихорадочное, пока он поднимался на помост для сна. Мы упали на шелковую постель. Поскольку мои названные братья и сестры часто мигрировали из спальни в спальню, я спала на этом помосте всего дважды... и не собиралась делать этого сейчас.

Санджит приподнялся надо мной, опираясь на руку. Его глаза сверкали дымчатым янтарем. Я исследовала пальцами впадины и изгибы на его груди, наслаждаясь его мышцами. На его медной коже блестели капли розовой воды. Свободной рукой он погладил мои ноги. Медленно задрал подол сорочки до бедра... а затем остановился.

– Тар. – Он замер. – Ты точно этого хочешь?

Я очень старалась дышать ровно и размеренно.

– Я люблю тебя, – пискнула я.

Он улыбнулся мне – тепло и нежно.

– Знаю, солнечная девочка. Но мы не делали этого раньше. – Он поцеловал меня в плечо, выводя кончиками пальцев дурманные круги на моем бедре. Но продолжал вглядываться мне в лицо. – Я хочу, чтобы ты была уверена.

Горло у меня горело. Я чувствовала, как он исследует мое тело своим Даром – Верховный Генерал составлял карту территорий, планировал кампании, чтобы устроить пожар в моем теле.

Ответом на его вопрос было «да». Я хотела его целиком и полностью. Но...

Перед глазами мелькнул образ: крошечный человечек с мягкими волосами и глазами чайного цвета. С Лучом, сияющим в хрупком новом теле.

Я застыла. Санджит тут же убрал руку. С бешено стучащим сердцем я коснулась его лица – Санджит поймал мои пальцы ртом, и я сглотнула, пытаясь сосредоточиться.

– Есть определенный риск, – сказала я наконец.

– Мм. – Он задумчиво кивнул. – Для этого есть травы. И зелья.

– Да. Но сейчас у нас их нет, а я не хочу посылать за ними слуг.

У слуг сегодня и так достаточно поводов для слухов, связанных с императрицей.

– Так что... – я убрала руку от его лица, – не сегодня, Джит. Прости. Я не знала, что буду так себя чувствовать, пока не...

– Не извиняйся. – Он поцеловал меня в макушку и лег рядом, грустно усмехнувшись. – Хотя, на будущее, если ты планируешь носить это ожерелье и дальше... нам понадобится запасной план.

Хмыкнув, я наклонилась и поцеловала его в щеку. Прижалась лицом к его плечу.

– Это... странно, да? Что я не уверена насчет детей? В конце концов, все думали, что я произведу на свет наследника для Дайо. Наверное, я должна была уже привыкнуть к этой мысли. – Я нахмурилась, глядя в темноту. – Почему я во всем так отличаюсь от остальных?

Санджит лежал неподвижно какое-то время, глядя на лавандовых спрайтов, сверкающих в ночном небе над потолком.

– Как бы там ни было, солнечная девочка, – сказал он наконец, – именно это мне в тебе и нравится.

Я вздохнула, закрыв глаза.

– Это только потому, что ты такой же странный, как и я. Он рассмеялся.

Я устроилась у него на груди, наслаждаясь тем, что могу еще немного побыть влюбленной девушкой, пока рассвет снова не превратит меня в сумасшедшую императрицу-Искупительницу.

Глава 9

Я напрасно беспокоилась о дворцовых сплетнях: мое поведение на Вечере Мира к утру уже никого не волновало.

– Вулкан сделал *что?!* – воскликнула я, когда Дайо разбудил меня и Санджита.

– Уничтожил треть столицы Олуона, – повторил Дайо, вручая мне одежду. – Ну, то есть еще нет. Но скоро.

За окном едва рассвело. Мы с Санджитом торопливо следовали по коридору за Дайо, чтобы присоединиться к остальному Совету в общей гостиной.

Наши братья и сестры ходили кругами, набивая дорожные сумки одеждой, оружием и лечащими травами.

– Гобелены Умансы, – выдохнул Дайо. – Он расшифровал пророчества. Он не замечал общих закономерностей, пока не закончил последний гобелен час назад.

Пророческие гобелены Умансы висели теперь на стенах гостиной. В одном углу стояло высокое веретено, скрытое тенью в слабом утреннем свете, где Уманса проводил каждый вечер за ткачеством. На гобеленах он изображал картины, доступные лишь его невидящему взору. В них из фрагментов складывались истории – пылающий хаос из символов и созвездий, падения и становления империй под капризные обороты планет.

– Еще ничего не уничтожено, – вставил Уманса, поворачи-

чиваясь к нам с Дайо ухом. — Вулкан еще даже не начал извержение. Мои видения не предсказывают точное время.

— Но мы должны остановить это, — сказал Дайо, заламывая руки, пока я сонно снимала свой платок для сна. — Это может случиться в любой момент.

— Мы не можем подождать хотя бы до завтрака? — проворчала Эмерония.

Она сидела на полу посреди всего этого хаоса, скрестив ноги, и смотрела в свой стеклянный шар.

— Я проверила границы города. Никаких признаков пожаров, лавы или чего-то подобного. Если видения Умансы такие срочные, почему он не сказал об этом раньше?

— Я сказал, — возразил Уманса, скрестив свои татуированные руки на груди. — Или, во всяком случае, об этом говорили мои гобелены. Но только сейчас все стало ясно.

Он показал на стены гостиной, где гобелены, сотканые им за последние недели, сверкали черным, алым и коричневым. Последний гобелен все еще свисал со станка: на нем изображалась гора с зубами, когтями и пугающе человеческими глазами. Каменный зверь присел на задние лапы, напружинившись, и извергал лаву изо рта. Гобелен обрамляли символы и планеты, обозначающие место расположения монстра.

Затулу, Верховный Декан Имперской академии, яростно писал что-то на табличке, глядя поочередно то на гобелены, то на свитки.

– Здесь что-то не сходится. На гобелене Умансы вулкан находится там же, где Храм Олоджари.

Я нахмурилась.

– Кузница Углей?

Люди Углей почитали Полководца Пламя, одного из главных богов Аритсара. Его служители строили шахты и кузницы по всему Аритсару, надеясь, что стихийное божество благословит их усилия золотыми, железными и угольными жилами.

– Кузница принадлежит Людям Углей, – подтвердил Уманса. – Но шахта под ней – имперская собственность.

– Ох.

Еще одно место, которым мы с Дайо владеем. Видимо, знать управляла за нас и этой шахтой тоже.

– Я отслеживал поступления в казну оттуда, – продолжил Уманса. – Недавно группа мятежников начала подрывать поставки ресурсов. Я думал, мои пророчества указывают на какое-то восстание – но, похоже, я ошибался. Настоящая опасность – в самой горе.

– Но Олоджари в семидесяти милях отсюда, – сказала Кира. – Вулкан не сможет уничтожить столицу.

– Это не вулкан, – пробормотал Санджит. – Это кое-кто другой.

Он уже закрепил на бедре ножны. Молча подойдя к последнему гобелену Умансы, он поморщился, разглядывая яростное лицо горы.

– Я уже видел подобное лицо, – сказал он, посылая видение через Луч.

Все замерли, увидев воспоминание Санджита: худой и высокий мужчина с кобальтово-синими пылающими крыльями и раскосыми желтыми глазами.

– Не понимаю, – произнесла Ай Лин. – Зачем духу-хранителю Суоны пробуждать вулкан в Олуоне?

– Это не Мелу, – возразила я, тяжело сглотнув. – Это другой алагбато, кажется. Но точно не мой отец.

– Если не Мелу, то кто? – удивился Затулу. – У Олуона нет духов-хранителей, по крайней мере, я о них не слышал. Большинство алагбато умерли, когда мы стали обрабатывать землю и строить города.

– Это Малаки, – сказала Кира.

Мы все удивленно повернулись к ней. Она нервно теребила концы своего молитвенного платка, потрясенно моргая.

– Безумная Малаки, Малаки-под-Горой... я слышала о ней песни. Только сейчас вспомнила. Никто не знает наверняка, но... Верховная Жрица Мбали говорит, что это Малаки создала двери в Имперский Зал.

Я вдруг вспомнила легенду: о том, как алагбато сделала двери из железа, которое достала из собственного сердца. Кира осенила себя знаком Пеликана, чтобы отвести неудачу.

– О ней никто не говорит. Старейшины считают, что это плохая примета – произносить ее имя вслух в стенах дворца.

Но в любом случае никто не видел ее уже сто лет, хотя она охраняла эту гору тысячелетиями. Мбали даже не уверена, что Малаки еще жива.

– Не вижу причин для паники, – сказал Камерон и с улыбкой приобнял меня за плечи: – У нас есть собственный алагбато. Тар просто убедит Безумную Малаки успокоиться, правда, Тар?

– Я не волшебный дух! – возмутилась я, выворачиваясь из его рук. – Я даже не бессмертная, за исключением неуязвимости к огню! Что, по-твоему, я должна сделать?

Я рассеянно коснулась своей маски львицы. К моему удивлению, помазание Дайо не дало мне новую неуязвимость: вместо этого одинокая красная полоса на маске, символизирующая мою неуязвимость к огню, стала ярче, позолотев по краям. Луч, похоже, позволял мне помазать одного советника сверх положенных. Но, как и все остальные Лучезарные, я буду неуязвима только к двенадцати смертям. Меня утешала мысль, что я умру лишь в старости... если предположить, конечно, что я переживу следующие два года.

Камерон пожал плечами:

– Не знаю. Но Мелу ты, похоже, нравишься. Если я и узнал что-то о волшебных созданиях, так это то, что представители одного вида чувствуют своих – и неважно, как сильно они различаются внешне.

– Одна проблема, – объявил Уманса тихо. – Олоджари – не единственная катастрофа.

Он показал на гобелены, покрывавшие стены гостиной. Я осознала, что каждое полотно изображало разных созданий со светящимися глазами: одни вызывали наводнения в реках и озерах, другие поднимались из разломов в земле, третьи мчались сквозь снежную бурю или бушевали посреди пылающих джунглей и лесов.

– Так повсюду, – подтвердил Уманса. – Алагбато пробуждаются по всему Аритсару, угрожая уничтожить все наши природные ресурсы.

В комнате воцарилось потрясенное молчание.

– Мы должны вернуться в свои родные королевства, – медленно произнесла Майазатель. – Все мы.

– Нужно остановить их, – согласился Тео. – Или хотя бы выяснить, чего они хотят. Будет сложновато, раз мы собираемся разделить, но...

– Разделиться? – вмешалась я. Голова у меня кружилась. – А как же лучевая тоска?

– По-другому не получится успеть везде одновременно, – сказал Санджит, изучая карту на военном столе. – Так что придется потерпеть. Постараемся нигде не задерживаться. Лечить симптомы другим способом.

– Это невозможно, – запротестовала я.

– Возможно, если использовать кусо-кусо, – сказала Тереза, дрожащими руками поднимая к носу флакон с ароматическими травами. – Будет нелегко, но если мы все будем принимать мой новый сорт кусо-кусо в одно и то же время,

то Луч сможет объединять наши разумы на большом расстоянии. Не навсегда – травы не настолько сильные. Но если принимать их каждый день, мы сможем поддерживать связь какое-то время. Скажем, месяцев пять или шесть.

– Хорошо. – Санджит коротко кивнул. – Если пове-
зет, Аритсар даже не узнает, какая опасность ему грозила.
Предотвратим катастрофы еще до того, как они случатся.

Мое сердце забилося чаще от волнения. Пять-шесть месяцев? Мы никогда еще не разлучались так надолго. Никогда. А вдруг с ними что-нибудь случится?

Майазатель с довольным видом отряхнула руки от пыли, похлопав по кожаному свертку с оружием:

– Слушайте, я, конечно, буду жутко по вам скучать, но... Великий Ам, *наконец-то* появилась возможность уехать из дворца. Я улучшала свои изобретения с того самого дня, когда абику напали на Эбуджо. Мои новые пушки могут стрелять вдвое большим количеством святой воды в сравнении со старыми, и я до смерти хочу их испытать.

– Абику в Эбуджо были демонами, – напомнила Кира. – На алагбато святая вода не работает. Кроме того, алагбато не рождаются злыми: нам стоит сперва попытаться с ними договориться.

– Я захвачу свою лиру, – предложил Тео, вытаскивая инструмент из сумки на спине и похлопав его по бокам. – Если мои песни способны убаюкать зверей Камерона, то наверняка справятся и с алагбато.

– Дайо и Тарисай, разумеется, останутся в Олуоне, – сказала Ай Лин, вышагивая по комнате. – Они возьмут на себя алагбато в Олоджари, но мы не можем рисковать и отправлять их куда-то далеко от столицы. Мы только что убедили остальных правителей континента остаться. Я тоже немного задержусь, чтобы помочь Тарисай с этими монархами. Но потом отправлюсь в Морейю.

– Я отложу отъезд в Дирму, – пробормотал Санджит, мрачно глядя в окно на крыши столицы. – Пока что. Здесь слишком много дел. Если Малаки не прислушается к Тарисай, придется мобилизовать Имперскую Гвардию. Распорядиться об эвакуации. Построить баррикады, окопы. Лагерь для беженцев.

Все начали говорить разом. Лица их сияли, пока они планировали свой отъезд и обменивались стратегиями по успокоению алагбато. Они... и правда хотели уехать. Все они. Моя семья хотела сбежать из нашего безопасного дома. Им не терпелось встретиться лицом к лицу с опасностью... и покинуть меня. Я сжала зубы, вспоминая видения мертвых детей в Имперском Зале – шелестящие тени в уголке глаза.

– Прекратите! – рявкнула я.

Мои братья и сестры застыли, повернувшись ко мне.

– Извините. Я просто... просто... – Я запнулась, нервно дергая себя за волосы, пока мои кудряшки не распрямились. – Вы слишком быстрые. Все вы. Это небезопасно. Расходиться вот так по всему континенту. Бросать столи-

цу, бросать друг друга? Наша семья должна работать не так. Это неправильно. И глупо. Это... – мой страх сменился злостью, – эгоистично.

Мгновение стояла тишина. Потом Майазатель коротко рассмеялась:

– Уж кто бы говорил!

Я моргнула.

– И что это должно значить?

– А ты как думаешь? – Она отвела взгляд, теребя одной рукой свои шелковые косички. – Тар, если бросать нашу семью из-за прихоти – это эгоистично, то... ты здесь – самая большая эгоистка.

Я фыркнула. Огляделась, ожидая, что другие встанут на мою сторону. Но вместо этого я увидела лишь, как остальные переступают с ноги на ногу, избегая моего взгляда – даже Кира.

– Вы все с ней согласны, – выдохнула я. – Вы обсуждали меня за моей спиной. И считаете, что Майазатель права.

– Нет, все не так, – сказала Кира, примирительным жестом коснувшись моей руки. Затем она переглянулась с остальными. – Ну... не совсем так. Просто...

– Просто ты предложила себя абику, – выпалила Эмерония. Она уставилась в свой шар, пытаясь скрыть дрожащую нижнюю губу. – Ты вернулась с Сагимсана, отменила Перемирие и поклялась отправиться в *ад*. И все это – даже не спросив нас. Даже не подумав о том, что с нами будет, если

ты у-умрешь... – Она замолчала, пытаясь сдержать слезы.

Я увидела, как ее горе отразилось на лицах остальных – даже на лице Санджита. И Дайо.

– В последний раз повторяю, – сказала я, – я не собираюсь оставаться в Подземном мире навсегда.

– Ты не можешь обещать этого, – сказал Тео, рассеянно перебирая струны. – И, Тар... с тех пор как ты вернулась с Сагимсана, ты изменилась. Стала отдаляться от нас. И часто злишься без повода.

На смену растерянности пришла ноющая боль.

– Вы – мои единственные друзья, – пробормотала я. – Я только о вас и думаю.

– Раньше так и было, – сказал Затулу. – Но ты изменилась, Тар. Я не говорю, что это плохо. Мы просто... еще не привыкли к новой Тарисай. Той, которая нарушает законы, устраивает побеги из тюрьмы и сбегает в Сонгланд, чтобы исправить старую несправедливость...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.